

Тайная жизнь моего мужа

Автор:

Татьяна Тренина

Тайная жизнь моего мужа

Татьяна Михайловна Тренина

Нити любви

На одной чаше весов – долгие годы безмятежного покоя, на другой – короткий день, полный сомнений и отчаяния.

Хотя все начиналось так хорошо – Мастер и его Маргарита... Вернее, прославленный писатель-эзотерик Роман Эрленд и его жена Алиса – давно счастливы в браке, несмотря на большую разницу в возрасте. Точно в сказке, они живут в готическом «замке», построенном на гонорары писателя. Романа все обожают: и читатели, и соседи, и даже его мачеха. Кроме Игната, сводного брата.

Однажды Алиса находит завещание мужа и понимает, что вся ее прежняя жизнь являлась ложью. Что скрывал Роман долгие годы, какие семейные тайны прятал от молодой жены? Быть может, он просто берег свою прекрасную супругу от суровой, неприглядной действительности?

И Алиса должна быть благодарна супругу за то, что тот превратил ее брак – в золотой сон?

Или надо довериться давнему недругу семьи и поверить безжалостному грубияну Игнату? И как понять свое сердце, кому оно на самом деле отдано.

Татьяна Михайловна Тренина

Тайная жизнь моего мужа

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Тронина Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Алиса любила это время, когда поздний вечер переходил в глубокую ночь. Тогда в их маленьком городке под названием Костров устанавливалась окончательная и глубокая тишина, такая густая, темная и вязкая, что гасила последние, редкие всплески звуков – голоса запозднившихся прохожих, собачий лай, внезапные телефонные трели... Едва возникнув, эти обрывки шумов тут же исчезали, словно тонули в океане ночи.

В отдельно стоящей пристройке, где жила немолодая супружеская чета – садовник (он же охранник) Петрович с домработницей Ниной, – гас свет в окнах и замолкал, наконец, телевизор.

Огромный участок, на котором располагался дом Эрлендов вместе с садом, тоже погружался в сумрак, светильники здесь размещались только по периметру и на центральной площадке перед воротами.

И в самом доме наступала тишина, поскольку муж, Роман, ложился спать строго по расписанию. Выключал любимую музыку, ставил на беззвучный режим телефон.

Наступало время Алисы. Когда ей казалось, что она одна на целом свете и потому вольна делать что угодно. Время полной, абсолютной свободы! Время счастья.

Впрочем, Алиса и в другие часы чувствовала себя весьма неплохо... Жена известного, небедного, очень умного человека; не утомленная работой и домашними хлопотами, здоровая, еще молодая и красивая... Да, Роман был старше ее на 21 год, Алисе сейчас – тридцать четыре, а мужу, соответственно, почти пятьдесят пять, без нескольких дней... Но Роман никогда не выглядел старым (да и кто в наше время осмелится назвать так пятидесятипятилетнего человека, которому даже еще до официальной пенсии далеко). Роману шел его возраст, и небольшая седина – тоже. Наверное, и в семьдесят, и в восемьдесят лет муж будет выглядеть столь же моложаво-привлекательно. Таков типаж.

Правда, когда кто-то впервые, не видя еще Романа, вдруг узнавал, что муж на двадцать один год старше жены, то новый человек непременно удивлялся либо ужасался, иногда сдержанно, иногда явно, если не обладал хорошими манерами. И, либо взглядом, либо вслух, спрашивал: «Как? Неужели столь значительная разница в возрасте у супругов?» Но при личной встрече с Романом все подобные вопросы снимались сразу. Роман был очень... привлекателен, обаятелен. Красив «осенней» – благородной, сдержанной, мужской красотой, которой (редкий случай!) – годы только на пользу. Мужчин этого возраста с подобной внешностью, небрежной и уютной, что ли, часто снимают в рекламе, продвигающей дорогие яхты и дорогой парфюм.

Впрочем, седовласым плейбоем Романа тоже было трудно назвать, он не стремился поразить окружающих вальяжными манерами и надменными капризами. «Осенняя» красота Романа – интеллигентная, мягкая. Именно такими и представляют известных, уже поживших, получивших сполна славы, писателей – ироничными, вежливыми и привлекательными. Впрочем, Роман Эрленд – не совсем писатель. Он – мудрец, мистик, эзотерик, нашедший секрет человеческого счастья и спешащий поделиться им в своих книгах с людьми.

Все семнадцать лет своего брака Алиса ощущала спокойствие и умиротворение, находясь рядом с Романом. Да, случались какие-то мелкие шероховатости, странности в их отношениях... Но это такие мелочи, если подумать. Роман, например, был очень привередлив в еде, да и быт его угнетал порой. И спали они с Алисой в отдельных комнатах. Всегда.

Людям, привыкшим к одному матрасу, к одному одеялу на двоих, к постоянному созерцанию утренней помятости и вечерней усталости супруга это, конечно, казалось странным.

Зато проживание в разных комнатах способствовало личному комфорту супругов. Никакого застарелого раздражения друг другом!

Так вот. Алиса чувствовала себя вполне довольной жизнью женщиной, не связанной семейной деспотией.

А счастье этих свободных, «безмужних» вечеров заключалось для нее в ощущении уединенности. И в возможности творить что-то самой.

Алиса рисовала. Синей тушью на плотной бумаге... Рисовала девушку, которую она мысленно называла Эмилией.

Эмилия жила в странном мире, готическом, что ли. Когда окружающий пейзаж, интерьеры выглядят и страшно, и красиво. Старинный замок, устремленный заостренными башнями ввысь, вокруг замка таинственный лес, и какие-то тени мелькают при лунном свете, слышатся чьи-то торопливые шаги, и кажется, что где-то рядом летают призраки.

Вообще, сколько она себя помнила, Алиса всегда что-то рисовала. В детском саду. В школе на уроках... На салфетках за обедом. Сидя где-то в очередях, в блокноте. Какие-то бесконечные комиксы...

Алиса словно сочиняла историю этой девушки, Эмили. Вот и сейчас Алиса, закусив от усердия нижнюю губу, принялась выводить синей тушью на бумаге силуэт своей героини. Длинное платье, тонкая талия, длинные локоны, огромные глаза...

– Алиса, я стучал, ты не слышала?

– А?! – спохватилась она, отложила в сторону специальную кисточку.

На пороге стоял Роман. Оказывается, она пропустила тот момент, когда он постучал в ее комнату, так увлеклась.

– Детка, мне надо с тобой серьезно поговорить, – сказал муж.

– Конечно, конечно! – воскликнула Алиса. Придвинула ему кресло. – Давай поговорим.

Они сели в кресла друг напротив друга.

– Я давно собирался это сделать... раскрыть тебе душу. Но как-то все смелости не хватало. Только дальше тянуть уже нельзя. Короче, детка. Я умираю.

В первый момент Алисе показалось, что она ослышалась. Роман не произносил этих слов! Хотя... да, он все-таки произнес их, не померещилось. Впрочем, в следующий момент она подумала, что, наверное, муж шутит? И тут же опять осадила себя – кто ж такими вещами шутит? Да и не был никогда Роман шутником, поклонником черного юмора.

– Почему ты молчишь, детка? – с усталой лаской спросил он.

Алиса всплеснула руками, прижала ладони к вискам. Затем затрясла головой – нет, нет, не может быть.

– Похоже, со мной то же самое, что было у моей матери, и у деда... – Он не произнес названия болезни, да и незачем это было, Алиса и так все поняла. – Пришло ко мне слишком рано, но что ж теперь.

– Дорогой, ты... уверен? Ты... ты консультировался с доктором? – наконец, дрогнувшим голосом спросила Алиса.

– Нет. Зачем. Я знаю эти симптомы наизусть, их ни с чем не перепутаешь, – со спокойной печалью произнес Роман. – Я все это очень хорошо представляю, с

чего начинается, как продолжается и чем кончается.

- Сейчас медицина на другом уровне, сейчас новые лекарства! Тебя спасут!

- Алиса. Нет. Мои симптомы говорят о том, что я опоздал со всеми этими обследованиями и докторами. На несколько лет. А я не торопился, потому что был уверен, что у меня в запасе еще лет двадцать... Теперь уже нет смысла дергаться. Да, сейчас все на более высоком уровне, но толку-то. Последняя стадия есть последняя стадия.

- Дорогой... - умоляюще воскликнула Алиса. - Но почему ты думаешь, что у тебя тот же самый диагноз, что и у твоих родных? Вдруг это что-то другое... Не такое страшное. И, даже если это и оно... может, это еще не последняя стадия!

- Алиса, увя. Ты же в курсе, у меня всегда были проблемы с пищеварением. Еда с усилиями входит в меня и с усилиями же покидает мой организм. Сейчас я наблюдаю у себя все то же, что наблюдал у матери и деда. А эта гадость лечится точно так же, как и раньше, просто комфорту добавилось больным. Но это, по мне, не жизнь, а существование. Я уже много лет назад решил, что не стану бороться с этой противной напастью. Так легче, быстрее. И безболезненней, как ни странно. Мне не придется приходить в себя после всех этих мучительных и, по сути, бесполезных операций.

- Ромочка!

- Веди себя достойно, детка. Я же держусь, как ты видишь. Короче, прими это как данность - скоро я умру.

- Нет...

- Да, - спокойно произнес он. - Но это только вступительная часть... Дальше вот что. Слушай. В выходные мой день рождения, юбилей опять же. Я никогда не являлся любителем застолий, всегда старался избегать их. Но я хочу попрощаться со всеми. С миром я хочу проститься, в широком смысле. Приглашу самый близкий круг, тех, кто всегда находился рядом. Друзей. Соседей. Просто старых знакомых. В очень небольшом количестве. В общем, минимум приглашенных, из тех, с кем я спокойно общаюсь лично.

- Ты расскажешь им? О том, что с тобой происходит...

- Нет, - с неожиданной твердостью произнес Роман. - Я ничего никому не собираюсь сообщать. О моей тайне знаешь только ты. Очень прошу тебя молчать. Ни слова никому о моем близком уходе! - Он свел брови.

Алисе в этот момент очень хотелось спорить, протестовать, настаивать, биться - за каждый день жизни мужа... Но она заставила себя сдержать свои порывы. Это его воля и его решение. Надо уважать чувства и желания мужа.

- Хорошо, - с трудом произнесла она. - Я буду молчать.

- Вот и славно. Всегда был уверен в том, что ты - моя истинная подруга, моя любовь, моя Прекрасная Дама, - едва-едва заметно, уголками губ, улыбнулся он.

- Но, пока есть надежда, я бы хотела...

- Понимаю, о чем ты, - тут же перебил он. - Но - нет. Там такое лечение, что при самом лучшем исходе оно повлияет на мою психику, на мой душевный настрой. Превратит меня в другого человека. Слабого, ноющего, агрессивного даже. Ты даже не представляешь, насколько портят характер все эти тяжелые процедуры и сильные лекарства. Мой дед, сильный, спокойный человек, превратился в злое, капризное чудовище... Нет, детка, нет. Я уйду из этой жизни самим собой. - Роман помолчал, потом добавил задумчиво: - Ну, и потом, мои ученики, мои поклонники, мои последователи... Все те, кто читают мои книги и строят свои жизни по моим рекомендациям, они не должны меня видеть таким. Не должны знать о том, что со мной происходит.

- Но они же все равно узнают об этом! - с тоской и смятением напомнила Алиса.

- Пусть знают о смерти, а не о долгом, мучительном угасании, - усмехнулся Роман. - Чувствуешь разницу? Без лечения я уйду быстро, легко и незаметно. Никто не должен знать о моем диагнозе. А ты потом, после моего ухода, расскажешь всем... что луч света упал на меня с неба и унес мою душу на Марс. Да, да, волшебный луч забрал меня на Марс! Красивая легенда... Люди и дальше продолжают спокойно читать мои книги, следовать моему учению и думать, что моя жизнь была пусть и не особо длинной, но зато легкой и светлой. В сущности, подобное - не редкость в истории человечества... Большой огонь - он всегда

горит недолго, но ярко. Да, отказываясь от лечения, я жертвую собой. Но жертвую не просто так, а ради счастья людей. Не хочу никого напрягать и утомлять.

Алиса кивнула.

«А он и вправду похудел... Домашний костюм висит на нем как на вешалке!» – вдруг заметила она.

Роман всегда отличался особой стройностью, даже худобой. И именно это, кстати, очень молодило его, делало похожим на юношу, которому еще далеко до того момента, когда обычно мужчины начинают матереть.

Довольно длинные, до плеч, и очень густые, наполовину седые волосы; широкое лицо с впалыми щеками, немного морщин и немного серебристой щетины... Даже сейчас Роман выглядел красивым. Вернее, его красота показалась Алисе какой-то уж совсем неземной, что ли.

Она всегда восхищалась своим мужем, считала, что он не от мира сего. Ангел?

Но что сказать ему сейчас? Как поддержать этого необыкновенного человека, все время думающего о других людях?

У Алисы почему-то не нашлось нужных слов. Лишь какие-то суетливые, пошлые, штампованные фразы вертелись у нее в голове... Роман же смотрел на жену внимательно, все с той же усталой иронией. Это был взгляд человека мудрого, не питающего лишних надежд, взгляд печальный и сдержанный. Наконец, Алиса подобрала нужные слова. Нет, они тоже не являлись образцом душевности, но зато в них заключалась правда, идущая от ее сердца.

– Я останусь с тобой до последнего, – сказала Алиса. – Я буду всегда с тобой. Я поддержу тебя, насколько сумею. Я выполню все твои просьбы и пожелания.

Роман вздохнул, улыбнулся, отчего на его висках возле глаз пролегли лучики морщин. Пожалуй, лишь тогда, когда он улыбался, и становился заметным его возраст.

– Спасибо, – с нежностью произнес он. Встал. – Ну все, а теперь спать, спать...
Надо отдохнуть, силы нам еще понадобятся. Спокойной ночи, детка.

Алиса бросилась к нему, обняла, поцеловала в щеку, в нос, в губы... Роман не любил, когда его целуют в губы. Он вообще сторонился всех этих нежностей, связанных с поцелуями, тесными объятиями... Он не терпел прикосновений чужих людей, терпел только Алису, да и то именно что терпел.

Сейчас Роман тоже мужественно вынес этот натиск от жены.

Муж ушел, и Алиса осталась у себя в комнате одна. Лечь спать по совету Романа? Алиса всегда слушалась мужа, считая его своим наставником, но сегодня следовать его советам она была не в состоянии.

Ну как тут спать, когда внутри все дрожит и сердце громко стучит в груди?

Ко всему прочему, Алису еще и совесть мучила.

Дело в том, что супружеская близость исчезла между мужем и женой уже года как полтора. Или год? Алиса не подсчитывала специально, просто помнила, что последний раз случился, когда шел снег и все вокруг ждали Нового года. Но точно не этой зимой. Значит, прошлой? Вот тогда Роман пришел в спальню к Алисе. Улыбнулся своей печальной, немного ироничной улыбкой, скинул домашний халат, больше напоминающий царскую мантию, и нырнул к жене под одеяло.

Холодные ноги мужа, его холодные ладони, его холодный поцелуй – в щеку. Роман действовал почти без прелюдии, быстро и просто. Затем, по окончании процесса, его теперь уже прощальный, благодарный поцелуй холодных губ – в щеку, халат – обратно на плечи, и вот уже перед Алисой – закрывшаяся за спиной мужа дверь.

Все как обычно, все как всегда, все семнадцать лет, ничего нового и особенного, и это хорошо, потому что Алисе и не требовалось большего. Ничего сверх того, что ей всегда давали. Раз в месяц, иногда раз в два месяца, очень редко – два раза в месяц.

Помнится, после свадьбы, во время свадебного путешествия – было очень много любви. Где-то два раза в неделю.

Алиса считала эту сторону их супружеской жизни с Романом вполне обычной и нормальной. Тем более что ей и сравнивать было не с чем.

Но год, или даже полтора без отношений – это слишком заметное событие, нельзя не обратить внимание. Весь этот «безбрачный» период Алиса тосковала и недоумевала. Что случилось? Почему? Разлюбил? Или это проявления возраста? Как-никак, Роману уже за пятьдесят... Именно поэтому Алиса и не приставала к мужу с расспросами. Вдруг они обидят его, заденут тонкие струны мужской психики!

Алиса молчала, не спрашивала, переживала. Ей вовсе не секса требовалось (к этой стороне человеческой жизни она ощущала безразличие), а понимания ситуации.

Хотелось знать, что случилось, но и спрашивать тоже неловко.

А вот сегодня, сейчас, все стало на свои места. Выяснилась, наконец, причина холодности Романа. Он болен, ему не до супружеских обязанностей...

Именно поэтому Алису сейчас мучила совесть. Она-то, дурочка, ревновала его, думала всякую ерунду, а у мужа – такая проблема!

Алиса заплакала, потом смахнула со щек слезы. Вышла из комнаты в коридор. Затем из коридора Алиса свернула в гостиную, после нее в другой коридор...

Она бродила по дому, сжимая руки, и не находила себе места от тоски. Как же так, как ей жить потом без Романа? Одной, в этом огромном пустом здании, построенном в готическом стиле? Кстати, может быть, именно поэтому Алиса и рисовала в этом стиле – ведь он был близок ей, все время перед глазами. И нарисованная Эмилия – тоже отражение, но уже ее самой, хозяйки этого «замка»?

...Дом Роман начал строить еще задолго до знакомства с Алисой. Он тогда только-только стал популярным, написав первые три книги о том, как надо

правильно визуализировать свои мечты, чтобы они превратились в реальность. Учение Романа отличалось красотой и простотой, было понятно практически всем.

Слава обрушилась на него. Книги расходились огромными тиражами, Роман много ездил по стране, выступал, проводил семинары по визуализации... В то время мистика и эзотерика были очень популярны в стране, хотя многие учения и многие «гуру» – пшик, фикция. Большинство пишущих – голые короли, решившие заработать на модной теме.

А вот у Романа его учение выглядело убедительным и работающим.

Именно тогда Роман решил построить себе дом. Подальше от шумной столицы. Он жил в Москве, и Москва ему категорически не нравилась. Атмосфера в ней, в прямом и переносном смысле, казалась ему больной, тяжелой.

Он решил поселиться где-нибудь в тихом месте, и выбрал Костров – маленький спокойный городишко. Почему именно Костров? А потому что там жил его покойный отец, с обожающей пасынка мачехой. Знакомое, проверенное место, близко к родным людям... Оно и дешевле, кстати.

Роман купил в Кострове огромный участок с садом и принялся строить дом своей мечты. Не сам, конечно, строил, к процессу были подключены архитекторы, дизайнеры и рабочие-строители. Но все делалось по замыслу Романа.

Роман с детства чувствовал себя кем-то вроде рыцаря. Поэтому и дом своей мечты он видел в виде замка. Готического. Таинственного и прекрасного.

Высокие потолки, огромные окна из мозаичного стекла – витражи. Арки с заостренным верхом, высокие и тоже заостренные башни... Изящный и легкий, дом, построенный Романом, стремился ввысь, к небу; фасады его были украшены лепниной и орнаментами. Настоящий рыцарский замок.

Интерьеры тоже соответствовали выбранному стилю. Благодаря витражным окнам внутри создавалась особая атмосфера, таинственная и экспрессивная. Переливы фиолетового, красного, охры...

Много дерева и камня в оформлении. Использовалась и позолота, но без лишней помпезности. Двери выглядели не дверями, а некими порталами, словно ведущими в иное измерение. Люстры на цепях, имитация факелов на стенах. Отдельные светильники с мозаичными вставками. Ковры и гобелены, именно в этом интерьере, смотрелись очень органично и ничуть не напоминали советские времена. Картины в резных рамах, много скульптур – они изображали в основном каких-то фантастических животных и были сделаны под заказ.

В гостиной – камин, огромный стол, вокруг него стулья с высокими спинками, на полках множество безделушек, относящихся к рыцарской тематике.

На одной из стен, поверх ковра, висел рыцарский меч с богато украшенной рукояткой, блестящим полированным лезвием. Не настоящий, не исторический артефакт, а вполне себе качественная копия, соответствующая оригиналу. Им, этим мечом, как утверждал Роман, было можно рубиться и даже убивать.

Спальни в доме были тоже оформлены в готическом стиле: стены отделаны деревом, кровати с балдахинами, кресла с высокими спинками... Да что там, даже ваннные комнаты смотрелись оригинально, выложенные яркой плиткой с соответствующим рисунком, напоминающим фрески. Сантехника, подходящие светильники... Продумано все, вплоть до кранов и крючков на стене.

Алиса бродила по комнатам и коридорам этого огромного дома, напоминающего средневековый замок, и пыталась представить, как будет жить здесь одна. Без мужа.

И ничего не получалось. Алиса не видела себя здесь. Ну зачем ей эти высокие потолки, камин и горгульи в углах? Что ей с этим всем делать? Без Романа ей ничего не надо. Смысл этого странного дома именно в том, что здесь живет маг и волшебник, вечный рыцарь – Роман. Без него все рухнет.

Что делать Алисе тогда?

Роман, конечно, называл жену Прекрасной Дамой, но чем заняться этой самой Даме – без своего господина?

Помимо того, что Алисе было тяжело представить, как это – потерять любимого мужа, она просто не могла вообразить, что вообще ей без него делать.

Хотя, если подумать, она и сейчас ничем особым не занималась. За садом и домом ухаживал Петрович, в комнатах хозяйничала Нина, а Алиса прибирала только в спальне мужа и в его кабинете.

Больше Роман никому не доверял. В том смысле, что ему было противно, когда его вещей касался кто-то чужой. Чем еще занималась Алиса? Именно она стирала вещи мужа, опять же потому, что он доверял только ее рукам. Она же готовила Роману пищу.

То есть как готовила... Алиса срывала плоды с деревьев и кустов в саду, она приносила с грядок морковь и капусту на отдельную, Романову, кухню, куда не допускалась даже Нина.

У Романа особые отношения с едой, сложные и загадочные. Наверное, его можно было назвать вегетарианцем, хотя он иногда питался вяленным мясом, которое ему откуда-то присылали. Еще Роман являлся отчасти фрукторианцем – он ел плоды, выращенные в своем саду или в оранжерее (Петровичем), изредка Роману покупались фрукты и ягоды в дорогом супермаркете, что располагался на центральной улице Кострова.

Мыла и чистила фрукты и овощи для Романа только Алиса. Вымачивала, терла, скоблила кожуру, опять полоскала в проточной воде – это все она. Роман знал, что жена совершает все эти манипуляции самым тщательным образом, не таясь.

Алиса натирала морковь, мелко-мелко шинковала капусту...

Роман еще и сыроед. Он не принимал ничего жареного или вареного. Все продукты ел только в сыром виде. Что там с вяленным мясом, как его готовили, Алиса была не в курсе. Может, тоже никак не готовили, просто сушили эти куски. А, да, еще муж употреблял в пищу орехи, их ему тоже присылали откуда-то в специальных ящиках.

Благодаря своей особой диете Роман выглядел очень молодо и бодро. Он даже написал отдельную книгу о том, как надо правильно питаться, и книга эта, кстати, тоже пользовалась огромной популярностью и выдержала с десятков переизданий. Что интересно, он даже включил в эту книгу свои ритуалы по

приготовлению пищи. Чтобы как можно больше продуктов было выращено самим, приготовлено тоже самим и чтобы никакая чужая энергетика не соприкасалась с тем, что человек собирается поместить в свой желудок.

Наверное, особое отношение к еде выработалось у Романа после того, как ушли из жизни его близкие люди, дедушка и мама. От болезни, связанной с пищеварением. Доктора, лечившие его близких, постоянно напоминали Роману, что данная болезнь является наследственной, ему надо следить за питанием и, после определенного возраста, проходить регулярные обследования.

Обследования Роман отложил на потом, верно, он ориентировался на тот возраст, когда ушли из жизни его близкие (и до которого ему действительно было еще далеко), но, главное, он решил полностью изменить свой рацион, свое пищевое поведение. Его личная диета ничуть не напоминала все остальные известные диеты, хотя и имела со многими что-то общее.

Скорее всего, этой диетой Роман надеялся переломить ситуацию со своим здоровьем, и до последнего момента Алиса была уверена в том, что у мужа это прекрасно получается, он все делает правильно и он сумеет изменить злой наследственный рок.

А теперь выяснилось, что нет...

Алиса почувствовала, что слезы опять подступили к глазам. Тогда она вышла из дома в сад.

Август только начинался, и июльская жара еще не стерлась из памяти, а вот ночи, оказывается, стали ощутимо холоднее. Не совсем зябко еще, вполне терпимо бродить под луной в легком халате, но, судя по всему, осень уже близко.

Обхватив себя руками, Алиса принялась бесцельно плутать по тропинкам между деревьями. У забора – высокого, каменного, с частоколом острых зубцов сверху – холодным белым светом мерцали фонари.

Вдоль забора камеры, они, эти камеры, располагались везде. Еще датчики движения у забора. Кто вздумает полезть – датчики это засекут, сигнал сразу пойдет на пункт охраны. Петрович, опять же, выскочит, у него в домике, на

мониторах, тоже все видно. Выскочит наперевес с ружьем, официально зарегистрированным.

Костров – тихий город. Каких-то страшных, резонансных преступлений в нем сроду не совершалось. Кражи случались, бывало, да. И разного рода мелкое воровство...

Но на дома известных людей, в том числе на дом Романа Эрленда, никто никогда не покушался. Во-первых, высокая и опасная ограда, даже не любой спортсмен такую преодолет, во-вторых, всем было известно и о камерах по периметру, и о ружье Петровича.

Так что Алисе не было страшно, когда она бродила по саду. В том смысле, что она не ждала здесь нападения реальных, живых людей. Но вот чего-то такого, призрачного, неясного – Алиса опасалась. Потому что сам этот дом, напоминающий готический замок, внушал подобные мысли... О привидениях, призраках, чудовищах из потустороннего мира.

Алиса вышла замуж за Романа, едва окончив школу, в семнадцать лет. Нет, не ее ранняя беременность явилась тому причиной... Кстати, Алиса никогда в своей жизни и не беременела. Тут дело совсем в другом.

Алиса появилась на свет, когда ее матери исполнилось 45, а отцу 55. Она – поздний ребенок. Отец и мать откладывали появление потомства на потом, все ждали, когда обстановка в стране наладится, закончатся эти перестройки с путчами... А оно все никак, да никак.

Наконец, супруги решились родить дитя, в полной уверенности, что все сделали правильно... Есть некая финансовая подушка, есть где жить, здоровье еще крепкое. Но, увы, всего не предусмотреть. Начала болеть и сильно сдавать мама, мамы Алисы – баба Нюся... Ее как-то совсем в расчет не принимали, планируя ребенка, и зря, потом у мамы самой резко сдало здоровье, да и папа как-то одряхлел, причем внезапно и быстро.

Да, маме удалось родить здорового ребенка, как ей и обещали доктора, но поздние беременность и роды не пошли на пользу самой женщине. А еще лежащая бабушка... Маме, которой было под пятьдесят, пришлось возиться с маленьким ребенком, беспокойным и шустрым, и одновременно приглядывать за

бабой Нюсей... Папа вышел на пенсию, денег в семье стало совсем мало, а найти новую подработку в этом возрасте – сложно... Нанять же няньку – это лишиться последних накоплений. Какая еще «подушка безопасности», кто мог предположить столь неудержимую инфляцию?

Словом, случилось так, что все детство и юность Алиса прожила под угрозой того, что вот-вот станет сиротой и попадет в детский дом. Да и сама эта жизнь в бедности, почти нищете, радости не прибавляла, когда львиная часть денег уходила на лекарства.

Знакомый отца – Роман Эрленд, известный писатель-эзотерик, оказывается, давно приглядывался к Алисе. Она ему нравилась: девочка словно не от мира сего. Спокойная, тихая, нелюдимая, невероятная чистюля. Начитанная. Да еще и очень красивая! Роман официально пришел свататься к Алисе, едва только для нее прозвучал последний школьный звонок. Маме к тому моменту исполнилось шестьдесят два, папе – семьдесят два, а баба Нюся уже отошла в мир иной. И родители Алисы с невероятным облегчением и радостью согласились на брак Романа и дочери.

Алису буквально передали из рук в руки мужу. Еще вчера она – ребенок, сегодня уже жена.

Роман Алисе нравился. На момент брака ему исполнилось тридцать восемь – лучший возраст для мужчины. А выглядел он еще лет на десять моложе, и ни у кого в Кострове не повернулся бы язык назвать Романа Эрленда старым сластолюбцем.

Каковым он никогда и не являлся, кстати. Поскольку Роман признался Алисе, что давно искал не страсть, а жену. Нет, даже так – Жену. Прекрасную Даму, дивное создание, Вечную Женственность...

Алиса, несмотря на свой юный возраст, все это прекрасно понимала еще тогда и потому не ревновала мужа к его поклонницам и фанаткам. В любви, как и в своих пищевых привычках, Роман отличался придирчивостью. Все женщины казались ему чужими, он не рассматривал их как любовниц. Не вступал с ними в близкие отношения, тем более после того, как у него появилась жена.

К детям и деторождению – Роман испытывал брезгливое равнодушие. Он считал эту часть человеческой жизни проявлением животного начала в человеке. Беременность, роды, кормление грудью у женщин – его пугали. Сами младенцы, с их неконтролируемыми отравлениями, постоянным плачем, срыгиваниями, коликами и «газиками», слюнями, готовностью тянуть в рот что попало, даже самое несъедобное – тоже пугали и вызывали отвращение.

Роман считал нормальным общение лишь с сознательными индивидами, то есть уже со взрослыми и контролирующими себя людьми.

Алиса являлась его ребенком, что-то вроде его духовной воспитанницы. В нее, как утверждал Роман, уже изначально было заложено самой природой много чистого, прекрасного, возвышенного. Правда, не совсем оформленного, что ли. И задача Романа – усовершенствовать эту прекрасную стихию под именем «Алиса», сделать ее разумной и гармоничной.

Роман не мечтал о детях, и Алиса, вступая в брак, тоже. Мало кто мечтает о детях в свои семнадцать лет... ну, а потом, под влиянием философии Романа, его речей, Алиса тоже начала относиться к материнству, да и к совсем маленьким детям, с холодным безразличием.

Так вот. После смерти Романа она останется совсем одна.

Искать новые отношения, нового мужчину? А зачем? В сравнении с мужем все остальные мужчины – просто ничтожны и отвратительны. Грубы и приземлены. Они хотят лишь «жрать да на самку залезть» – однажды услышанное от домработницы Нины выражение, грубое, но зато точно отражающее суть мужской психологии. Фу.

Все ясно. Алиса окончательно решила для себя: да, она будет доживать одна. В этом самом «замке». Денег, накопленных Романом, хватит на долгое безбедное существование. И на оплату услуг помощников по хозяйству...

* * *

В выходные отмечали юбилей Романа Эрленда – 55 лет.

Ресторан для этих целей снимать не стали, Роман к общепиту – даже дорогие рестораны, по его мнению, это все равно тоже общепит – относился с опаской, да и вообще, ему не нравилась аура этих заведений. Может, в том же зале, где отмечают день рождения, накануне справляли поминки и лили слезы над покойным. Нет-нет-нет, никаких ресторанов. Тем более что Роман и не собирался приглашать кучу народу. Так, только ближний круг...

Празднование проводилось в доме Эрлендов, то есть в «замке», как все называли его.

Нина с Петровичем преобразили гостиную: убрали большую часть стульев, стол сдвинули к окну. Там – фуршетная зона. Закуски, шампанское... Никаких отдельных, сложных блюд, только канапе да тарталетки. Рулетики...

Роман терпеть не мог жующих людей, да еще жующих долго и основательно, не любил все эти церемонии – с переменами блюд, с накладыванием салатов, выносом горячего и прочими атрибутами пиршеств.

Алиса никогда не ела при муже. Это была его просьба с самого начала замужества. Алиса к этой просьбе отнеслась с пониманием и уважением. Да она и сама была человеком, далеким от гастрономических восторгов. Пища являлась для нее неким топливом, что ли. Ну да, надо закинуть в себя немного еды, если чувствуешь голод... Алиса ела то, что готовила Нина на отдельной, другой кухне, в том числе и для себя с Петровичем, – сырники, омлет, иногда борщ... Еду простую и непритязательную.

Но праздник без праздничного стола – как-то странно. Поэтому Роман и придумал «фуршетный» вариант для своего юбилея.

Алкоголь, кстати, Роман не пил. Водка казалась ему тяжелым напитком, виски с коньяком, а также ром, кальвадос, абсент и прочие крепкие горячительные – тоже слишком резкими. От шампанского у Романа начиналась изжога, ликеры, наливки были слишком сладкими.

Восторга многих перед вином Роман совершенно не разделял. Особенно перед настоящим вином, сделанным традиционным способом.

Как он однажды признался Алисе, нелюбовь к вину началась у него после просмотра старого итальянского фильма с Челентано, где герой месил голыми ногами виноград в бочке. Пить то, что сделано при помощи чьих-то грязных, а то и пораженных грибок стоп с нестриженными ногтями, под которыми не пойми чего творится?! Конечно, потом Роман узнал, что вино уже так не делают, существуют какие-то специальные давящие аппараты... Но и от того не легче – оказывается, виноград перед отжимом не моют, то есть, получается, вино делают из грязных ягод, на которых остались следы жизнедеятельности пролетающих мимо птиц, оно вместе с раздавленными насекомыми и улитками... брр, что угодно, но только не это хваленое настоящее вино!

Словом, Роман не пил алкоголь совсем. И вино на его юбилей не присутствовало вообще. Только шампанское, которое, пусть и делали его тоже из винограда, но почему-то именно оно не вызывало у Романа резкого неприятия.

Итак, гостиная в «замке» была поделена на две зоны – фуршетную, где гостям предлагалось выпить и закусить, и ту, где располагался Роман. Гости могли подходить туда, к хозяину, с тарелками, с бокалами – ничего страшного. Роман был готов немного потерпеть жующих людей. Главное, чтобы никто при нем не обкусывал мясо с костей, не забрасывал ложками в рот салаты...

Первой пришла Марина, давняя, преданная почитательница Романа. Марине пятьдесят семь лет, дети ее давно выросли, внуки тоже уже не младенцы, поэтому Марина полностью погрузилась в учение Романа Эрленда. Кажется, Марина была влюблена в него – преданной, пылкой, девчачьей какой-то, несмотря на ее возраст, любовью.

Внешне Марина тоже застряла где-то между девичеством и наступающей пенсией, что-то от одного периода, что-то от другого мешалось в ее внешности. Джинсы, кроссовки, пестрые бурнусы, распущенные волосы ровного каштанового цвета и вместе с тем – тревожные морщинки между бровей, неловкие движения, когда суставы уже не столь гибки, скрипучий дребезжащий голос. «Сзади пионерка, спереди пенсионерка» – тоже выражение Нины.

Алиса никогда не ревновала мужа к Марине, наоборот, с умилением наблюдала за той... К давним поклонницам никогда не надо испытывать недобрых чувств. К свите – не ревнуют.

Марина отличалась равнодушием к питью и закускам, для нее важнее всего было общение с Мастером – так она, немного высокопарно, называла Романа, впрочем, как и многие в его окружении.

Пощебетав, для приличия, с Алисой о природе, о погоде, Марина намертво засела рядом с Романом.

Затем появилась Елена. Той – сорок три года. Ее отличительные особенности – это красная помада и белые кудри а ля Мерилин, всегда короткие платья, подчеркивающие талию и декольте. Общее впечатление от эффектного «пин-апа» портили лишь глубокие носогубные складки на лице Елены: создавалось впечатление, что «Мэрилин» только что попробовала что-то горькое, очень горькое... Алиса тоже не ревновала ее к мужу, поскольку и Елена – свита. Эта женщина тоже одна из поклонниц Мастера...

Алиса встречала гостей, приветливо беседовала с ними, затем гости пускались в «свободное плавание» по залу, бродили от фуршетного стола – к Роману и обратно или же сбивались между собой в небольшие стайки для обсуждения общих тем.

Присутствовали еще и почитатели творчества Романа, жившие в Кострове либо приехавшие откуда-то, специально к юбилею Мастера.

Пришла Галина – почти ровесница Алисы, дамочка тридцати пяти лет. Пухленькая, низенькая, черноволосая, с откровенно-розовой полоской под носом (верно, спохватилась в последний момент перед выходом и решила избавиться от «усиков»). Зачем Роман ее позвал, Алиса даже не представляла, поскольку Галина являлась просто соседкой, и весьма дальней к тому же, да и страстью к учению Романа она не особо пылала. И сам он ее, кажется, тоже едва терпел, но вот почему-то позвал... Алиса не собиралась лезть и в эти отношения, поскольку повода для ревности в случае с Галиной тоже вообще не было.

Галина умудрилась привести с собой двух своих детей – двойняшек Сережу и Артема, десяти лет; как и она – круглых, невысоких, со жгуче-черными шевелюрами... Мальчики, попав в «замок», принялись сразу же изучать его «содержимое». Всем безделушкам, украшениям, деталям интерьера теперь грозила серьезная опасность. А уж когда дети потянулись к мечу, висящему поверх ковра на стене, то опасность стала грозить и всем окружающим людям...

Алиса заметила издалека страдальческий взгляд Романа и подошла к Галине:

– Может быть, пустим детей гулять в сад, под присмотром Петровича, он сейчас как раз ничем не занят?

Галина с радостью согласилась, видимо, ей самой хотелось отдохнуть от своих неугомонных отпрысков. Вызванный Петрович увел детей в сад.

Роман, заметив это, послал Алисе воздушный поцелуй.

Последними из гостей прибыли мачеха Романа, Лариса Игоревна – очень деятельная дама семидесяти лет, и сводный брат Романа – Игнат, родной сын мачехи. Игнат – невысокий, худощавый, с рыжевато-пепельными вьющимися волосами, длинным некрасивым носом с горбинкой. Взгляд его зеленых глаз был докторским – каким-то типично циничным, что ли... Неприятный тип – наверное, потому, что ему все собравшиеся тут люди тоже были неприятны, судя по кислой гримасе на его лице. Если бы не его мать, то Игната сюда бы и не позвали вовсе.

Что касается Ларисы Игоревны, то она являлась не просто поклонницей Романа, она его обожала. Это уже было многими замечено и, пожалуй, стало фактом, Лариса Игоревна любила пасынка сильнее, чем родного сына.

Лариса Игоревна – дама экстравагантная, предпочитала стразы и кружева в одежде, в украшениях – крупные камни, почти булыжники, носила парик – золотые взбитые букли и признавала обувь только на каблуках. Она любила шампанское, вкусную еду, говорила громче всех, но, несмотря на это, Роман относился к ней с нежностью и снисхождением. Прощал ей многое и никогда не глядел на нее напряженно, словно мечтая – уж поскорее бы ты ушла... Нет, наоборот, именно этой даме, своей мачехе, Роман сегодня обрадовался больше всего, он оживился при ее виде.

Лариса Игоревна набрала себе тарелку канапе, прихватила бокал с шампанским и расположилась рядом с Романом в кресле. Тарелку она поставила себе на колени. Болтала, пила, ела, роняя крошки и капая на себя содержимым бокала, – и ничего, Роман терпел, улыбался, слушал ее...

Что интересно, со сводным братом, Игнатом – тому было тридцать восемь лет, – Роман почти не говорил. Мужчины кивнули друг другу на расстоянии, обменялись парочкой дежурных фраз, и всё.

Роман старался не общаться с братом не только из-за личной неприязни, но еще и потому, что Игнат – врач, чьей специализацией были органы дыхания. Легкие! Он лечил больных с пневмонией и какое-то время даже с туберкулезом. Словом, Игнат лечил людей, чьи легкие были поражены чем-то таким... опасным и страшным! Пациенты, перенесшие грипп и ковид и получившие осложнения, как поняла Алиса, – как раз именно его пациенты.

А это значило, что Игнат – тоже опасный. Разносчик всяких вирусов и бактерий, раз он с ними сталкивается каждый день. Так считал Роман.

Конечно, нехорошо шарахаться от родственника только на том основании, что тот работает с заразой, но и радости от этого общения тоже никакой.

Роман никогда не показывал своей неприязни ни к Игнату, ни к кому-то еще, иначе он мог просто потерять свой авторитет как Мастер. Но Алиса-то знала обо всех сомнениях и страданиях мужа. И сама тоже незаметно сторонилась Игната все эти годы. Даже не из-за потенциальной возможности подхватить от него какую-нибудь инфекцию, а просто она терпеть не могла этого человека. Очень тяжелого в общении, чего уж там...

Алиса ходила по гостиной, беседовала то с одним гостем, то с другим, потом вспомнила про детей Галины – наверное, им надо отнести перекусить.

Хозяйка взяла широкую плоскую тарелку, принялась специальными щипцами накладывать на нее разнообразные рулетики, приготовленные Ниной.

– Что-нибудь случилось? – вдруг спросили рядом. Алиса повернулась – неподалеку стоял Игнат, с бокалом шампанского в руках. И внимательно смотрел на нее.

– Ничего не случилось, – преувеличенно бодрим голосом произнесла Алиса. А сама подумала: «Надо же, заметил! Ох, нет, нельзя раскисать... у меня на лице все написано! Ради Романа придется держаться...»

И она немедленно улыбнулась.

- Ты уверена, что все в порядке? Я бы давно в этом дурдоме спятил, - сказал Игнат.

- Зачем же ты сюда ходишь? - не выдержав, раздраженно спросила Алиса.

- Маменька потребовала. Потому что одной, без спутника, ей вроде как неудобно... Да и обратно мне ее на себе тащить, а то я не знаю. Ты ее каблуки видела? А брусчатку на центральной площади - видела?

Это все были риторические вопросы.

Алиса не собиралась вступать с Игнатом в прения, но, наверное, напряжение последних дней дало о себе знать. Потому что она взяла да и спросила с совершенно несвойственной ей прямоотой:

- Игнат, а почему ты наш дом дурдомом назвал?

- А разве не так?

- Нет, - мрачно возразила она.

- Он же чокнутый.

- Кто?

- Твой муж.

- Ты называешь Романа чокнутым?!

- Я не специалист, конечно, но у него явно какие-то психические сдвиги. А ты ему подыгрываешь. Усугубляешь его состояние, то есть...

- Ты же не специалист в этой области! В психиатрии! Как ты можешь разбрасываться диагнозами?! Ты же... этот... - Алиса сбилась, пытаясь

ВСПОМНИТЬ СЛОВО.

– Пульмонолог. Если точнее – физиопульмонолог. Но, в общих чертах имею представление и о прочих разделах медицины, поверь... Да пусть Ромочка хоть сто раз псих, но ты-то ему зачем подыгрываешь? – скривился Игнат и стал похож на какого-то злого тролля из детской сказки – с этим носом, с прядями волос, завитками, падающими ему на лоб, изогнутыми, словно в какой-то смертной муке губами... И уши, уши у него еще торчали, тоже какого-то «тролльского» вида...

– Роман не псих, – спокойно произнесла Алиса. – Психи не пишут книги и не проводят выступлений при битком набитых залах. Психи не получают больших гонораров, не строят дома. С психами не живут жены по семнадцать лет...

Игнат улыбнулся, вернее, оскалился, показав зубы.

– Ты ведь сейчас злишься, да? – продолжила Алиса. – Каждый раз, встречая тебя, я чувствую, как внутри тебя как будто что-то крутится, вертится... Ты ведь чуть не корчишься при виде Романа!

Алиса до этого момента никогда не вела откровенных разговоров с Игнатом, но тут, верно, не смогла сдержаться, ее нервы тоже были на пределе, из головы не шло признание мужа о его близком конце.

– Да. Все так, – неожиданно легко согласился Игнат. – Меня здорово колбасит, когда я вижу брата. Вернее, замечаю, что к нему все окружающие относятся с восхищением... Даже не отдавая себе отчета в том, что их король-то – голый!

– В каком смысле? – нахмурилась Алиса.

– Ты тоже этого не замечаешь, – полуутвердительно, полувопросительно произнес Роман. Допил бокал, поставил его на отдельный столик, где собиралась использованная посуда. Затем потянулся за следующим бокалом с шампанским...

«Да он пьяненький! – внезапно догадалась Алиса. – И чего я с ним спорю!»

Она фыркнула и, забрав тарелку, отправилась в сад. С трудом нашла детей с Петровичем – они играли в прятки. Сережа и Артем с удовольствием набросились на угощение.

Затем Алиса вернулась к гостям. Наблюдала за тем, все ли в порядке в фуршетной зоне, нет ли кого скучающего. Иногда переглядывалась издали с Романом – он отвечал ей кивком, едва заметно улыбаясь: «Все хорошо, детка!»

Каждый раз после этих переглядываний у Алисы сжималось сердце.

К Игнату она старалась не приближаться, избегала его. Злой, нехороший человек... Наверное, Игнат просто завидует сводному брату. Интересно, что сказал бы Игнат, если бы узнал об истинном положении дел у Романа, о его проблемах со здоровьем? Посочувствовал бы Игнат своему брату? О, это вряд ли. Скорее уж позлорадствовал бы...

В какой-то момент Алиса заметила, что Елена довольно долго стоит у окна, разглядывает витражи, отвернувшись ко всем гостям спиной.

– Елена... Как настроение? – приблизилась к ней Алиса.

– А? – рассеянно отозвалась та, повернулась к Алисе. – Да вот... задумалась о том, что время быстро летит.

Обычно эффектная, бодрая, Елена выглядела сегодня странно: уставшей, с темными подглазьями и складками у губ – как будто еще глубже, еще горше.

– Ты что все оглядываешься? – спросила она Алису.

– Наблюдаю за Игнатом. Как бы он не напился, не устроил скандал.

– Да он не пьет, – с видом знатока произнесла Елена. А, ну да, Елена же все и про всех знала!

– Вот именно. Он не пьет, а сейчас напьется шампанского и что-нибудь точно выкинет, – поделилась своими опасениями Алиса. – Самые опасные на вечеринках – это именно малопьющие люди, принявшие «лишнего». Только что с

Игнатом беседовала, он как будто не в себе.

– Ну, с шампанского много не набедокуришь! – засмеялась Елена, и глубокие складки возле ее рта стали видны еще отчетливей. – А не в себе он из-за своей Дарьи.

– Из-за жены? – удивилась Алиса.

– Ты как будто с другой планеты... Дарья – не жена Игната, а его сожительница.

– А какая разница, пусть будет гражданская жена... – махнула рукой Алиса.

– Нет, большая. У Дарьи – трое детей, тут хочешь не хочешь, а на стенку полезешь! – коротко засмеялась Елена.

– Трое? – удивилась Алиса.

– Ага. Старшая, Люда, уже в институте учится, в Питере, на юриста. На платном. Игнат за нее платит причем.

– Почему причем?

– Да это же не его дети, не Игнатовы! – возмутилась Алисиному незнанию Елена. – Там еще Маша есть, средняя дочь, ей шестнадцать, что ли, предпоследний класс, и тоже надо придумывать, куда идти и кому платить, поскольку и Маша не семи пядей во лбу, а, помимо того, у Дарьи и сын есть, Коля, ему четырнадцать, и у него проблем хватает, ибо возраст самый горячий, подростковый.

– А свои дети у Игната есть? – спросила Алиса. Ее никогда не интересовали вопросы, касающиеся чужой личной жизни, и по отношению к себе она тоже подобного любопытства не терпела, но ей вдруг показалось важным – разобраться в хитросплетениях семейных отношений мужа и его родни... Что там впереди, от кого в ближнем кругу следует ожидать подвоха?..

– Нет. Все трое Дарьины дети – от бывшего супруга, с ним она развелась давно, и тот даже алименты не платит. Игнат с Дарьей уже лет двенадцать вместе, разве

ты не в курсе?

– Может, и слышала, но как-то мимо ушей пропустила, – пожала плечами Алиса. – Получается, Игнат – хороший человек, раз так заботится о чужих детях. Хотя, наверное, чужих детей не существует!

Елена передернула плечами, вздохнула, потом продолжила:

– Дарья-то на два года старше Игната, между прочим. Ей уже сорок. Какие теперь общие дети? Хотя... Да дело и не в детях, у них странные отношения, эта Дарья – себе на уме, непонятная она...

– А что ты о Галине можешь сказать? – пользуясь моментом, опять спросила Алиса.

– Галина еще непонятней! – с досадой воскликнула Елена. – Очень закрытая мадам. Забор два метра вокруг ее дома, и ни одной подруги. Нигде не работает. Что делает, откуда у нее деньги на детей – тайна, покрытая мраком.

– А что ее муж, отец детей?

– Да не было у нее никогда мужа! – покачала головой Елена. – Детей она родила после того, как куда-то в отпуск съездила, далеко. Приехала, и через положенное время – Артем с Сережкой появились на свет. Думаю, тот человек, отец детей, женатый, платит ей, чтобы молчала и детей воспитывала. Роман ее все жалеет – «ах, бедная мать-одиночка!», а она очень даже неплохо устроилась.

«Жалеет. Вот почему. Да, теперь понятно...» – мелькнуло в голове у Алисы.

– Там, рядом с Галиной, по соседству, в одном с ней дворе – Василий, ее двоюродный брат, так и он не в курсе, что к чему у Галины, – понизив голос, поведала Елена. – Хотя, конечно, какой толк от Василия, он молодой мужик, ему тридцать всего, охота ему в чужую жизнь, да еще в бабскую, лезть...

«А я вот лезу, – подумала Алиса с раздражением. – Что на меня нашло, зачем я вдруг взялась обо всем этом выспрашивать? Зачем мне эти люди, они мне ничем

не помогут... Но и не навредят ведь тоже? Чужая скучная жизнь, которая не имеет ко мне никакого отношения. И Игнат посмел назвать Романа психом? Да они все тут ненормальные! Какие-то тайны, чужие дети, ни одной счастливой семьи...»

Алиса отошла от Елены, сославшись на занятость. Покружила еще по залу, затем натолкнулась на Марину.

– Алисочка, как же я тебе завидую, – с чувством произнесла та. – Супруга такого замечательного человека... Ты, должно быть, безмерно счастлива.

– Да. Я счастлива, – твердо произнесла Алиса. – У меня самый лучший муж на свете, и...

Продолжить она не смогла, потому что у нее перехватило горло, а рыдать в этот день, посреди праздника, никак нельзя.

– Роман – гений, – убежденно произнесла Марина. – Я прочитала все его книги, и не по одному разу, я много с ним беседовала... Мне кажется, Роман – не человек, а некое божественное существо, через которое нам Мироздание передает высшие истины... Ты читала его книги?

Алиса кивнула. Она тоже прочитала все книги мужа и вроде почерпнула из них многое. Единственное, не поняла, как эти знания применить к собственной жизни. Наверное, потому, что учение Романа Эрленда – для тех заблудших, что потеряли дорогу, сбились с пути. А с самой Алисой все было в порядке, ей помощь не требовалась.

Хотя, если подумать, скоро Алисе как раз понадобится помощь. Когда Романа не станет...

– ...это ведь гениальная идея – визуализация своих желаний, – между тем вещала Марина. – Оказывается, все так просто. Человек в своем воображении создает образ желаемой действительности. Наши мечты и фантазии могут легко воплотиться в реальность, если мы правильно это сделаем.

Алиса, рассеянно улыбнувшись, кивнула. «Как странно, – подумала она. – Все помешаны на этой визуализации, все чего-то хотят... А мне не о чем мечтать. Совсем. Потому что у меня все есть. Или... ох ты, неправда! Мне есть о чем мечтать, у меня есть одна огромная просьба к Мирозданию!» – вдруг спохватилась она.

– Прости, Марина, кое-что надо срочно сделать... – извинилась Алиса и быстро покинула зал. Через пару минут она оказалась на небольшой поляне за домом, окруженной цветочными грядками. Вечернее солнце подсвечивало поляну, отчего трава казалась зеленее, сочнее, а цветы, в основном розы, – еще ярче.

Роман в своих книгах учил, что главное в визуализации – представить свою цель. Четко и ясно, здесь и сейчас. Во вполне реальном интерьере или пейзаже. Для этого надо оглядеться, осмотреть все вокруг. Ощутить окружающую температуру, вдохнуть глубоко воздух, услышать все звуки рядом... Можно даже прикоснуться к чему-либо, для того чтобы ощутить материальность этого мира.

И потом представить в этом живом, настоящем мире свою мечту. Таким образом, реальность соединится с фантазией, настоящее – с будущим. Мир мыслей вольется в мир материальный...

Алиса представила своего мужа, Романа, на этой поляне, в окружении этих роз. Он стоит здесь – веселый и довольный, и говорит: «Алиса, ты представляешь, а я, оказывается, здоров! Со мной все в порядке, и я не умираю. Мои подозрения, мои сомнения оказались ошибкой!»

Роман произносит эти слова, а затем начинает кружиться, чуть разведя руки, ладонями вверх, словно ловит солнечный свет, льющийся сверху и чуть сбоку.

Алиса стиснула зубы, изо всех сил пытаясь перетянуть свою мечту в реальный мир. Она, Алиса, – не просто обычная женщина, а на самом деле она – могущественное существо, которому все подвластно. Она повелевает миром! И у Алисы возникло ощущение, что да, оно так и есть. Теперь главное – ощутить свои эмоции, свою радость по поводу случившегося. С Романом все в порядке, и это прекрасно.

Если делать это каждый день, и не один раз, а, например, утром и вечером, то вероятность того, что мечта сбудется, увеличится еще больше.

И тут важно запретить себе мысли по поводу неудачи. Думать только о том, что поражение невозможно, что все произойдет точно так, как она себе представила!

В этот момент Алиса услышала, что неподалеку хрустит гравий под чьими-то ногами.

Она с досадой обернулась и увидела Игната. Это он шел мимо по дорожке. Повернул голову, заметил ее, поднял брови:

- О, ты тут, оказывается... Сбежала от гостей?

- Ищу Петровича с детьми, - зачем-то солгала она. - Ты их не видел?

- Нет. Идем, вместе поищем.

Отступить было поздно. Алиса поднялась на дорожку, и они с Игнатом зашагали рядом в сторону сада.

- Прости, я, кажется, тебе лишнего наговорил, - сдержанно произнес Игнат. - Ты расстроилась.

- Ничего. Все в порядке, - прерывисто вздохнула Алиса. - Знаешь, у тебя такая чудесная мама. Давно хотела тебе сказать, что восхищаюсь ею.

Игнат ничего не ответил, изобразил лицом какую-то сложную гримасу.

- Я бы хотела походить на нее в ее возрасте, - добавила Алиса. - Все пожилые женщины такими бы были, как она. Бодрыми, энергичными, стремящимися к красоте.

Игнат ничего не ответил.

- Ты не согласен? - удивилась Алиса. - Почему? Слушай, ну правда, Лариса Игоревна - это просто огонь, ее все обожают. Вот как так, ее все любят, кроме тебя, ее родного сына! Нет, это не мое дело, но тоже давно хотела спросить...

Игнат! Скажи же что-нибудь! – нетерпеливо воскликнула она.

– У меня с моей маменькой сложные отношения, – подумав, изрек Игнат.

– Но почему?

– Да потому что... – Он не договорил, махнул рукой. – Ты правда хочешь это знать? Хорошо, я тебе скажу... Моя маменька никогда не любила меня. Она всегда мечтала о девочке, была уверена в том, что у нее будет дочь. С чего она взяла, что у нее должна родиться дочь – я без понятия. Моя маменька если уж в чем уверена, то это железно. А тут я. Мальчик. Она страшно обиделась на меня. Как я посмел... Все свое детство и юность я провел по интернатам. Даже на каникулы маменька не хотела меня забирать домой.

– Послушай, но тогда было тяжелое время, все работали...

– Да, страшно тяжелый труд – работа администратором в тогдашнем Доме культуры! – засмеялся Игнат. – Надорваться прям можно. Потом мать вышла замуж за отца Романа. Ей вообще стало не до меня. Но, к счастью, я уже вырос и уехал в Москву, поступил в медицинский. Маменька, кстати, ни разу не позвонила мне первой. Она не звала меня домой, она вообще мной не интересовалась. И я на нее не в обиде, я... я сейчас просто отвечаю на твой вопрос. Если бы ты в меня не вцепилась, как клещами – расскажи да расскажи, я бы и словом не обмолвился... Мне на мою маменьку – нет, не наплевать, но у меня к ней совершенно отстраненное, спокойное отношение. Я не предъявляю к ней никаких претензий, никому на нее не жалею. Не жалею просто потому, что мне не на что жаловаться. Маменьке семьдесят лет, а я взрослый дядька, с чего мне вдруг ныть? Поздно предъявлять матери претензии!

«Ну вот, я сама себе противоречу, – с досадой подумала Алиса. – Только что решила, что ничего не хочу знать про этих людей вокруг, и тут же сорвалась. Но мне страшно, как же мне страшно...»

– Это хорошо, что ты не сердишься на свою маму, – прошептала Алиса. – Интернат – это ведь не самое неприятное, да? Многие так жили.

– Конечно, – усмехнулся Игнат. – Многие дети жили в интернате, потому что родным матерям не было до них дела. Причем, что интересно, маменька

неистово обожала и до сих пор обожает Ромусика, нашего гуру. Ты замечала, что Ромочку, твоего супруга, она любит больше меня?

– Да... Это так. Наверное, ей просто интересно его учение, его теория... – неловко пробормотала Алиса.

– Наверное, – опять усмехнулся Игнат. – После смерти своего второго мужа, отца Ромусика, она могла получить наследство, половину от него, вернее... Но она отказалась от наследства – в пользу Ромусика. Ромусик же тогда свой замок вовсю строил, ему нужнее...

– И что такого, твоя мама имела полное право распоряжаться тем наследством по своему усмотрению! – укорила Игната Алиса.

– Конечно. Ты абсолютно права. Только маменька заодно отдала тогда Ромусику и то, что оставалось и от моего отца. Мое наследство, от моего родного отца, своего первого мужа, давно умершего.

– Да? – удивилась Алиса. Смутилась. Но тут же испытала приступ недоверия: – погоди, да не может такого быть... Ты что, хочешь сказать, что у тебя не было никакой доли в имуществе, нигде, ни в чем...

– Никакой. Нигде и ни в чем. Всем распоряжалась маменька, – перебил Игнат. – Она после смерти моего родного отца умудрилась все оформить на себя, в те времена это было еще возможно. Да и я оплошал, согласен, сначала по малолетству своему и незнанию жизни, затем по пофигизму своему – этими вопросами тоже не интересовался... так что, Ромусику отошли деньги за квартиру моего покойного отца, и за дачу, и за машину, и какие-то ценные бумаги...

– Ты врешь, – вдруг вырвалось у Алисы. – Не может такого быть, чтобы твоя мама отдала все твое наследство Роману.

– Почему нет... Маман в восторге от учения Ромусика, она в него свято верит. Самой ей надо очень немного, для нее главное – покрасоваться на публике. Она завсегда на общественных мероприятиях, у нее и хор, и танцы, и какие-то собрания, и прочее... Ее всем приводят в пример. Она образец той самой бодрой старости, к которой должны стремиться все женщины элегантного возраста, как

ты сама только что заметила.

- Это понятно, но я все равно не верю, что она могла все наследство отдать на сторону, - возмутилась Алиса. - А жить тогда на что?

- Так у нее пенсия есть, и очень даже неплохая. Довольно много льгот, с учетом того, кем был мой отец. Ну, и ко всему прочему, есть я. Который оплачивает «коммуналку», покупки и прочее.

- Не верю, не верю, не верю...

- Алиса, а ты что, не слышала, как люди отдают разным гуру все свое, нажитое?

- Это не про Романа, он так не делает, он живет за счет своих книг...

- Но не погнушался взять у моей матери то, что должно было по праву принадлежать мне. Ну, ладно, она ему свое отдала, ее воля, но зачем, заодно - и мое-то?!

- Да не верю я тебе! - окончательно рассердилась Алиса. - Роман бы просто не взял у Ларисы Игоревны ничего лишнего...

- Ты его не знаешь, - покачал головой Игнат.

- Я с ним семнадцать лет живу!

- Вот именно. Ты семнадцать лет под его крылом, в полном неведении, и ты настолько далека от обычной, реальной жизни... Да ты как из бункера не вылезает!

- Я же не взаперти существую, я хожу везде, и мне никто ничего не запрещает...

- Тебя продали ему. Продали глупой, несовершеннолетней девчонкой, и он тебе сразу запудрил мозги, он превратил тебя в зомби...

- Меня - продали?! Да я сама согласилась стать его женой, я в него влюбилась...

– Ага, в свои семнадцать лет ты была абсолютно адекватной и знающей жизнь!

– Я знала главное, то, что Роман меня любит и он очень серьезно настроен... Да, у нас с ним разница в возрасте, и значительная, и что теперь? Он дал мне счастье, он окружил меня заботой, он считает меня Прекрасной Дамой!

– Кем?! – изумился Игнат.

– Прекрасной Дамой. Как у рыцарей. В древние времена. Как у поэтов Серебряного века... Ты читал у Блока, например? «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо – все в облике одном предчувствую Тебя. Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо, и молча жду, – тоскуя и любя...» – задыхаясь от волнения и подступивших слез, продекламировала Алиса. – Я для Романа – Вечная Женственность, он с самого начала так говорил. Я его Прекрасная Дама, его Королева...

Алиса сроду никому об этом не рассказывала. Это была их тайна с Романом, такое вот романтическое (в тон его имени!), немного сказочное, возвышенное общение... Когда он – Рыцарь, а она – его Прекрасная Дама.

Но, верно, ее напряжение достигло такой силы, что Алиса уже не могла себя сдерживать. Откровения теперь сами рвались из нее:

– Роман ждал меня, искал – всю свою жизнь. Предчувствовал меня. Грезил обо мне. Он вызывал меня у Вечности, у Вселенной, он звал меня, он силами, ему данными, пытался визуализировать свою мечту, и у него это, в конце концов, получилось. Я для Романа – свет, разгоняющий мрак, а значит, я для мужа – любовь, счастье, радость, вдохновение. Я для него – божество, явившееся из иного измерения. Он поклоняется мне, он молится на меня, как на икону... Ах, Игнат, поверь, любая женщина мечтает о такой преданной, возвышенной любви!

Игнат смотрел на нее широко раскрытыми глазами, в которых плескалось изумление и... смех. Издевательский такой, очень недобрый, грубый, саркастический смех, да.

– «И веют древними поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука...» – пробормотал он с иронией. – А что дальше у Блока, в этих стихах про Незнакомку, ты помнишь? Что-то там про пьяное чудовище...

Поэт сам себе не верил, краешком сознания, но, верно, все-таки понимал, что вся эта возвышенная поэзия не имеет никакого отношения к жизни. А ты в курсе, какие у Блока были отношения с его женой, Любовью Менделеевой, на самом деле? С той, которую он считал своей Прекрасной Дамой? Он с ней даже не спал, к проституткам бегал! В этой рыцарской романтике – сплошная ложь, Алиса! Проснись, открой глаза, наконец!

– Зачем? Чтобы что? – прошептала она. – Я вот сегодня пыталась это сделать, посмотреть на окружающих меня людей – и такая грязь, такая глупость и гадость вокруг...

У нее возникло нестерпимое желание рассказать Игнату о том, что Роман умирает, причем умирает мужественно и тихо, без жалоб, словно приносит себя в жертву человечеству. Наверное, Роман оставит завещание, в котором одарит всех. Вернет Игнату то, что когда-то передала ему Лариса Игоревна (если Игнат не врет, конечно). Роман наверняка оставит небольшие «подарки» своим поклонникам и почитателям – Елене, Марине, несчастной матери-одиночке Галине, другим...

Большую часть, конечно, Роман оставит ей, Алисе, своей жене, но остальное он ведь точно распределит между близкими ему людьми?.. Даже не надо его спрашивать, Роман, как никто, способен к благодарности. Не все окружающие вызывают у него теплые чувства, не ко всем Романа «тянет» (поскольку муж воспринимает благосклонно только Алису), но и что с того. Справедливость и честь для Романа превыше всего. Он не особо любит людей, отдельных личностей, зато он – любит человечество.

– Ты же хороший человек, – все так же негромко продолжила Алиса. – Я знаю. Мне рассказали... Ты добрый. Но чего ж ты завидуешь Роману... а ты завидуешь, завидуешь, это всем заметно. Ну восхищается им твоя мама старенькая, своим пасынком, моим мужем, Романом, больше всех, что ж с того... Прости ей. Тебе ведь почти сорок, да? А ты все как ребенок, играешь в это соперничество между братьями...

– Ты так ничего и не поняла, – уже спокойно произнес Роман. – Просто удивительно, насколько ты оторвана от жизни, Алиса. Мне жаль тебя.

Он развернулся и пошел быстро прочь. Алиса осталась на дорожках сада одна. Уже темнело, тени становились все гуще, все длиннее.

Алиса постояла, отдышалась, пытаясь привести нервы в порядок, затем, немного успокоившись, направилась к дому. Надо было закончить этот вечер, и как-то достойно это сделать, без скандалов и кислых гримас... Ради Романа.

«У Романа есть статья... В одном журнале, он показывал недавно... Надо найти этот журнал и дать его Игнату. Он прочитает эту статью и, возможно, изменит свое отношение к брату!»

В статье, написанной Романом, речь шла о счастье, о том, как его достичь. А принцип достижения счастья был очень простой: надо жить, получая радость и удовольствие от всего происходящего. Если удовольствие не достигается, то тут надо изменить – либо себя, либо свои цели, либо окружение, место жительства... Может, Игнату станет легче, если он уедет отсюда, куда-нибудь далеко. На расстоянии-то гораздо легче любить своих близких, прощать им все.

Да, хорошо бы этот человек куда-то уехал.

* * *

Игнат отвел Ларису Игоревну домой. Вернее, отвез на такси, затащил в ее комнату на себе, поскольку мать уже почти спала, ее развезло от шампанского, и она сильно устала от долгих разговоров за полночь, со множеством людей... Снизать планку социальной активности Лариса Игоревна никак не желала. Она по-прежнему чувствовала себя молодой женщиной, готовой плясать и куролесить круглые сутки.

Игнат не всегда сопровождал ее на подобных мероприятиях, делал это выборочно, и вот как раз тут, с этим юбилеем брата, пустить все на самотек уж точно никак нельзя. Если мать, напившись шампанского, упадет ночью на каблуках, то, весьма вероятно, сломает себе что-нибудь, кости-то уж хрупкие – возраст, остеопороз, все такое. Тогда придется за ней ухаживать по-серьезному.

Не самому, конечно, горшки из-под нее выносить, но искать сиделку, а это самое сложное – искать человека, готового терпеть вздорный и капризный характер

Ларисы Игоревны.

...Игнат уложил мать на ее диван. Снял с нее туфли, парик, укрыл и вышел из дома.

Это был не его дом вообще, хотя он и провел здесь часть своего детства.

В свое время, давно, мать оформила дом на себя, ни метра тут теперь не принадлежало Игнату.

По ночному городу Игнат шел к Дарье, в Дарьин дом, и старался ни о чем не думать. Он в последнее время вообще ни о чем не думал, кроме своей работы. Так проще и так продуктивней, кстати. Если бы и остальные люди меньше размышляли бы о своих проблемах, о личной жизни, семейных неурядицах, а больше – о работе, то мир стал бы гораздо совершенней.

Все последние месяцы Игнат придумывал, чем бы заменить искусственную вентиляцию легких, процедуру достаточно тяжелую и несущую определенные риски при лечении пневмонии. ИВЛ – крайняя мера, и хорошо бы до нее не доводить пациента.

Поэтому Игнат создал свой, особый аппарат для ингаляций при начавшейся пневмонии. Там использовалась специфическая, отдельная система вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. В легкие человека подавалась нагретая воздушная смесь, на основе кислорода и одного из инертных газов. Выдыхался же воздух уже по другому принципу.

Подобные ингаляции очень благотворно действовали на пациентов и позволяли обойтись без ИВЛ. Собственно, первым этот аппарат Игнат протестировал на себе сам, когда переболел коронавирусом.

Затем он протестировал эту систему на других пациентах, добровольцах, и все они быстро пошли на поправку.

Когда приходилось напряженно думать о работе, то для переживаний не оставалось времени. Жизнь скользила мимо – легко и быстро, практически не цепляя, не подбрасывая новых впечатлений.

...Игнат оказался у дома Дарьи во втором часу ночи. Осторожно открыл калитку, пробежался неслышно, на цыпочках, по дорожке, ведущей к крыльцу, поднялся на него и, тоже со всей осторожностью, принялся проворачивать ключ в замке.

Вытащил ключ, распахнул дверь и вздрогнул – на пороге стояла Даша, в ночной рубашке до пят, цветастый платок наброшен на плечи, волосы примяты в одну сторону.

– Зачем ты вскочила? – шепотом спросил Игнат. – Я же сам открыл...

– Ты шуршал гравием! – шепотом воскликнула Даша. – И еще калиткой стукнул.

– Ты сейчас точно детей перебуддишь, если начнешь возмущаться.

Игнат переоделся, умылся и опять на цыпочках прокрался в их с Дашей спальню. Залез в темноте под одеяло. Но Даша не спала, как и следовало ожидать.

– Как ты долго! – с укором произнесла она. – Почему ты всегда так долго...

– Пошла бы со мной, не пришлось бы ждать теперь.

– Вот еще, что я там не видела... И ты зачем туда отправился? К этому человеку, своему брату, которого терпеть не можешь и который едва выносит тебя...

– Надо, – огрызнулся Игнат. – А кто бы маменьку стал транспортировать обратно...

– Она тебя ни в грош не ставит, а ты перед ней стелешься.

– Даша, я не стелюсь, я просто не хочу лишних проблем себе потом. У любимого пасынка маменьки – юбилей, она была намерена отметить это.

– Вот я потому и не стала тебя сопровождать, потому что там твоя мать, а она меня терпеть не может! – с возмущением напомнила Даша.

– Потому что ты ею пытаешься командовать, а она никому не дает командовать собой. С ней вообще лучше не спорить, я это уж сто лет назад понял, – сказал Игнат. – По маменькиному мнению, ты мне никто. Если бы мы поженились, она бы хоть как-то смирилась с твоим существованием.

– Мы не можем пожениться, потому что у меня – дети! – в свою очередь, напомнила Даша. – Если мы с тобой поженимся и я умру вдруг, то половина наследства достанется тебе.

– И тут наследство, как мне это надоело! – с раздражением произнес Игнат.

– Тише, детей разбудишь.

– С чего ты вдруг взяла, что ты умрешь, и умрешь внезапно, причем без всякой предрасположенности? Ты в конце весны диспансеризацию проходила под моим неусыпным контролем, все с тобой в порядке. Анализы идеальные, давление как у космонавта, сердце работает бесперебойно... Почему ты решила, что умрешь раньше меня?

– Я тебя старше.

– Не смейся. Всего на два года.

– В нашем возрасте – это уже много. Мне пятый десяток, между прочим.

– Даша, тебе только 40 недавно исполнилось!

– А это и значит, что мне уже пятый десяток пошел, – парировала Даша. – А вдруг какой-нибудь новый вирус нагрянет опять? И потом, умереть можно не только от болезни, бывает, что кирпич на голову падает...

– Ладно, спи.

– Что значит спи, ты мне лучше расскажи, что там, на вечере, было?

Игнат вздохнул, помолчал, борясь с подступающим сном, затем все-таки начал рассказ:

- Ну что... Собрались, праздновали. Подарки дарили, речи толкали.

- Чем угощали?

- Я не понял, если честно. Какие-то такие мелкие закуски на шпажках, какие-то корзиночки с чем-то... Но вкусно, да. Из алкоголя только шампанское.

- А что на горячее? - не унималась Даша.

- Какое горячее, это же Роман... При нем нельзя есть. Только так, по чуть-чуть закусывать.

- Он псих?

- Не знаю. Небольшие расстройства, возможно. Фобии всякие... Но нет, он не сумасшедший, он вполне вменяем и адекватен, насколько я могу судить, не будучи специалистом. И он, похоже, полностью отдает себе отчет в происходящем.

- А эта его, она нормальная?

- Кто?

- Алиса, кто еще, - фыркнула Даша.

- Алиса - да, она вполне, очень даже...

- Я не понимаю, чего ее все красивой считают.

- Но она симпатичная, объективно, - подумав, осторожно произнес Игнат.

- Она выглядит отвратительно.

- Даша, прошу тебя. Не надо. Ты и так уже всю мою семью изругала.

- А что ты Алису защищаешь, она тебе нравится?!

- Она совершенно безобидная девушка.

- Девушка?! Почему ты ее так называешь? Ей тридцать четыре, я слышала, она давно взрослая, какая девушка...

- Ладно, пусть будет женщина, - миролюбиво произнес Игнат. - Всё, спи давай.

- Она хитрая... Нашла себе богатого папика, катается как сыр в масле теперь... Ой, не верю я этим якобы простушкам... - не унималась Дарья, ворочаясь рядом. - Ей все лень, ничего не хочет делать. Домашними делами там прислуга занимается, а она просто по саду гуляет, эта Алиса. Дети? Какие дети, она только о себе думает... Она пользуется Эрлендом!

У Игната что-то екнуло внутри. Он как будто «включился», что ли... До этого момента был готов все терпеть и мимо ушей пропускать, ни на что не реагировать, а тут вдруг - раз, и запустились какие-то процессы внутри, выбросился в кровь адреналин, пульс зачастил.

- Даша... а ты мной что, не пользуешься разве? - спросил Игнат.

- Я? Ты что...

- Ты ведь мной тоже пользуешься, сама подумай. Причем, что интересно, с одной стороны, я тебе никто, с другой - я тебе должен. Моя родня тебе - все чужие и непонятные, но ты ими постоянно интересуешься... Ты уж определись, кто я тебе. И зачем, главное...

- Я тебя люблю! - быстро произнесла Дарья. Она действительно его любила, и Игнат это знал. Но, получается, она ничем ради него не была готова поступиться...

- Я тоже тебя люблю, - устало ответил Игнат. Сел на кровати, нажал на кнопку, вспыхнул синим светом «ночник». - Или любил?

- Выключи, ты чего! И что значит «любил»? Ты меня больше не любишь, что ли?! - Даша заерзала, тоже села в кровати, уставилась на Игната испуганными, ставшими круглыми глазами.

- Не знаю. Я устал.

Игнат никогда не говорил этих слов раньше. Он считал, что мужчина должен произнести их один раз. Перед тем, как умереть. Вот только тогда и можно сказать «я устал», а затем с чистой совестью свалиться замертво.

- Прости, прости, прости! - быстро зашептала Даша. - Что на меня нашло, сама не знаю... давай, ложись, ни к чему это, ночью выяснять отношения!

- Вот и от этого я тоже в полной растерянности. Ты вроде как все знаешь, все понимаешь, но, тем не менее, ты все равно позволяешь себе говорить недопустимые слова и совершать нелогичные поступки. Я от твоей... даже не знаю, как это назвать... от твоей двойственности - устал! Ты меня, с одной стороны, любишь, а с другой, ты ведь и пальцем ради этой любви не пошевелишь. Моя родня тебе чужие, они никто тебе, но тебе непременно надо о них все знать. И так во всем, всегда...

- Игнат, прости, я же сказала!

- Я должен платить за образование твоих детей, дети - это святое, но своего мне родить - да ни за что...

- Опять ты про детей! Мне сорок лет, какие дети...

- Мы уже двенадцать лет вместе, ты забыла? Тебе что, все эти годы было сорок? Ты обещала...

- Я обещала подумать!

- Ты мне говорила «да», и тут же добавляла - «нет, не сейчас». А я ждал. Я считал тебя и твоих детей своей семьей. А ты первые годы нас вместе вообще не оставляла наедине, потому что боялась, а вдруг я какой извращенец-педофил! Помочь с уроками Люде? Да ни за что, я тебе запрещаю, Игнат. Маше помочь -

нет, только не это, Игнат, не подходи к ней! Колю ты тоже мне не позволяла воспитывать... Но давать деньги на них, платить за их образование – я был должен. Ты уже определись, кто я – либо маньяк, либо отец семейства...

– Тише, я умоляю!

– Ты все время твердила, что дом должен достаться детям, если ты умрешь... И потому никакого брака, никакого общего имущества... А ты что, всерьез уверена, что я способен у твоих детей отнять дом? Ты правда обо мне так думаешь?

– Ты – нет... Ты у моих детей ничего не отнимешь. Но ты женишься после моей смерти и поселишь тут свою жену. У вас родятся свои дети, а моим – ничего не останется... – заливаясь слезами, прошептала Даша.

– Купить совместное жилье ты тоже не согласна... Тебе деньги нужны здесь и сейчас, и потом, новый дом ты только на себя готова оформить... А я опять без кола без двора, получается? Я устал. Мне это надоело. Я не люблю больше тебя, знаешь? – повторил Игнат с удивлением. Встал с кровати и принялся одеваться.

– Ты куда? Ты куда?!!

– Не кричи. Вот ты даже в таких мелочах сама себе противоречишь... То – тише, тише, всех перебудишь, то сама начинаешь орать.

– Прости меня, прости! – уже в голос рыдала Даша. – Не уходи!

– Ты меня сто раз к матери выгоняла, если я только чихнуть вздумаю... как же, а вдруг я заразу в дом принес...

– Но дети... вдруг они тоже заболеют...

– Ну тогда на хрена ты со мной вообще связывалась-то? С моей-то профессией... ты с ней ведь так и не смирилась!

– Но ты когда неделями пропадал в своем ковидари...

– Даша, я свою профессию – не брошу.

– Я не говорю, что тебе надо уйти из медицины, но на время болезни, эпидемий... ты не должен находиться рядом с детьми... Я тебя не навсегда выгоняла, а только на время... ты же знаешь...

– Вот и в этом вопросе у тебя сплошные противоречия, сплошная двойственность. Моя профессия тебе категорически не нравится, она тебя пугает, но деньги, которые я за свой труд получаю ты берешь охотно. Блин, я сам с тобой скоро с ума сойду! – Он схватился за голову.

– Прости!!!

– Даша, я уйду. Совсем. Больше я не вернусь. За полгода Людиного обучения я вперед заплатил, но больше ни копейки не дам. Проси теперь с отца детей, своего бывшего мужа. Либо пусть Люда сама как-то начинает подрабатывать... Да и вообще, что за дела – устроилась на платное, учиться вообще не хочет, а юристов и без нее переизбыток... Она даже не собирается по своей специальности работать, ей вся эта юриспруденция до лампочки!

– Ты жадный!

– Ага, я жадный. Готов деньги, своим трудом заработанные, на ветер выбрасывать, на вуз, который Люде даром не сдался. Она меня даже отцом не считает. Вот пусть теперь родной отец об ее образовании и беспокоится. А я никто для нее, для тебя, для Маши с Колей...

– Ты решил меня бросить? – звенящим голосом спросила Даша.

– Нет. Не так ты формулируешь. Ты меня вынуждаешь тебя бросить.

– То есть ты правда меня бросаешь?

– Ты меня выгоняешь. Ты этих слов не говоришь напрямую, но ты – делаешь это.

– Так ты меня бросаешь?!

У Игната совсем уже опустились руки. Он чувствовал себя абсолютно выпотрошенным.

– Да, – мрачно произнес он. – Ладно, если тебе так легче, если ты готова только таким образом рассматривать эту ситуацию, то я тебя бросаю.

Он покинул комнату, тихо закрыл дверь за собой, затем, по коридору – во двор. Гравий хрустел под ногами. Стукнула калитка.

Игнат уходил из этого дома навсегда.

Вернулся в дом своей матери, там, не раздеваясь, лег на кровать. В комнате, которая была когда-то его детской, а теперь мать приспособила ее под кладовку, забив почти до потолка разным хламом. Но кровать сыну оставила. Вот именно в этой комнате, на этой кровати, и спал Игнат, когда Даша выставляла его из дома, на время его болезней.

«Во что я превратился, кем стал? – думал Игнат, уставившись в темноту и даже не моргая. – Я ж не человек, не мужик вообще. Чего я сегодня привязался к бедной Алисе, твердил ей – проснись да проснись... Это ж я сплю наяву, у меня летаргия уже годами, даже десятилетиями длится. У меня ничего нет, кроме моей работы, и я никому не нужен. Ни родной матери, ни любимой женщине. Они мне нужны, да, я для них худо-бедно, но старался, только вот это была игра в одни ворота. А чего бы мне не уехать отсюда, например?»

Дарья пусть сама крутится – не жена она. Тем более никто у нее не болеет и не умирает в семье, к счастью, с детьми тоже все в порядке. Платить за образование Люды, которое той самой не нужно? Затем за образование Маши, мечтающей о карьере дизайнера-модельера и при этом даже занавески не способной подшить? Потом за Колю платить, который наушники из ушей не вынимает и все время в телефоне?

Может быть, самое правильное – перестать спонсировать этот бардак? Тогда люди, возможно, задумаются о своей жизни, как-то изменят ее... Недаром же говорят, что путь в ад устлан благими намерениями. Игнат оплачивал все «хотелки» детей Дарьи, и Дарьины в том числе, а они относились к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. И не задумывались о своем будущем. Игнат их своей помощью просто развращал.

Вообще, Люда, она хоть раз сказала спасибо Игнату, оплачивающему ее институт? Хоть один одобрительный смайлик ему в мессенджер, после оплаты всех ее счетов, прислала?

Нет.

А Игнат ей ни слова в упрек. Из серии зачем ждать благодарности, мужик же, должен...

Не должен.

И своей матери, Ларисе Игоревне, он тоже ничего не должен.

Она отдала всё Роману, вот пусть тот за ней и присматривает на старости лет.

Надо уехать отсюда. Как можно дальше. Благо, с его профессией Игнат теперь везде нужен. Квартиру могут предоставить, это смотря где место искать, либо можно самому впрячься в ипотеку. А смысл платить за образование чужих детей, которые и спасибо никогда скажут, чтобы потом, на старости лет, без кола и двора оказаться на улице, поскольку и законной жены тоже не было? Это в том случае, если Дарья, как и предрекает, умрет раньше Игната... Ее дети запросто выгонят Игната на улицу...

Лариса Игоревна не пропадет. Потому что Роман свою мачеху не бросит. Побойтся потерять репутацию всеобщего благодетеля. В спину Игната соседи плюнут, конечно, из серии – как же так, сбежал, родную мать оставил... Ну, во-первых, мать пока еще ого-го, а в случае чего Роман – да, да, Роман, ее пасынок обожаемый – пусть о ней хлопочет.

Кому наследство отдали, тот и должен «дохаживать» завещателя.

Если Игнат уедет из Кострова, его все осудят. Но никто, по большому счету, от его отъезда не пострадает. Не должен пострадать.

Собственно, после окончания мединститута вообще не надо было возвращаться в этот город. Игнату предлагали остаться в Москве, помочь с жильем, но нет, он, дурак, рванул в Костров, в эту глухомань, где ему даже родная мать не рада.

А все из-за Алисы.

Ему двадцать один год исполнился, когда он приехал на каникулы в Костров, надо было кое-какую справку для института оформить... А тут – свадьба сводного брата, Романа, материного любимчика.

Вот тогда Игнат в первый раз увидел ее.

Больше всего Алиса напоминала ангела. Небесной красоты девочка. Синие глаза, темные волосы до пояса, не тяжелые на вид, не прямой плетью падающие вниз, а легкие, вьющиеся слегка... Маленький вздернутый нос, рот вишенкой... вишенкой?.. Боже, какие пошлые слова, насколько бессмысленно описывать эту красоту в привычных терминах!

Да дело не во внешности Алисы даже, а в том, как она смотрела, как двигалась, говорила... Игнат не мог долго ею любоваться, каждый раз у него начинало перехватывать горло, и он отворачивался. Но без нее, без Алисы – воздуха как будто вообще не хватало.

Дышать. Дышать! Кажется, именно после того лета он всерьез задумался о своей дальнейшей специализации, связанной вот с этим – с дыханием. Как человеку получить возможность дышать легко и свободно.

«Дышу тобой, я дышу только тобой, милая...»

Игнат вернулся в Костров после окончания учебы в медицинском институте. И с изумлением обнаружил, что Алиса никак не изменилась. Она осталась все такой же прекрасной и юной. И она искренне любила Романа, и братец ее тоже, даром что на двадцать один год старше жены. И все у них было хорошо, у этих двоих... и, в общем, надо было валить из Кострова, но Игнат так и не смог этого сделать.

Как без нее, без Алисы, дышать? Как существовать без этой чудесной девушки, которая словно не от мира сего?

А вот так. Молча. Надо! Надо силой заставить себя уехать отсюда.

Навсегда.

...Игнат, когда осознал, наконец, все это, смог уснуть. С мыслью, что вот завтра он встанет, соберет свои вещи, и отправится в поликлинику, там напишет заявление об уходе. Главврач, Семеныч, будет резко против, тут и гадать не надо. Но, с другой стороны, Семеныч – старый друг, он поймет. Возможно, отпустит, и отпустит сразу. Нет, а если все-таки заставит отработать, пока замену искать будет, то можно перебраться в гостиницу, там перекаптоваться. Главное, больше не возвращаться к матери.

Какой-то грохот вдруг.

Игнат открыл глаза, пытаясь понять, где он и что происходит. Не сразу сообразил, что он у матери дома сейчас, поскольку вчера расстался с Дарьей. Потом вспомнил еще, что собирается увольняться из поликлиники и уезжать из Кострова.

Стон.

Игнат вскочил, побежал на половину матери. Обнаружил Ларису Игоревну лежащей на полу, в шелковом домашнем халатике. Рядом – опрокинутый стул. Тут же валялась лейка, вокруг растекалась лужица воды.

Судя по всему, мать собралась полить свой любимый цветок, который висел довольно высоко на стене в кашпо, залезла на стул и грохнулась.

– Ну где ты там? – простонала мать. – Не дожدهшься... «Скорую» вызывай.

– Мам, дай сам посмотрю... где болит?

– Не трогай меня, – яростно отмахнулась та. – Вызывай «скорую», я сказала.

– Хорошо. Ты будешь лежать на полу до их прихода или все-таки позволишь тебя осмотреть и перенести на диван?

– Вызывай, – сквозь зубы произнесла та. – А меня не трогай! Коновал... Тебе сказали, что надо делать, ну так и делай.

С матерью было бесполезно спорить. Она не доверяла Игнату ни в чем и никогда. Он обманул ее с самого своего рождения, появившись на свет мальчиком, а вовсе не девочкой, которую она так ждала, а значит, Игнату нельзя было доверять.

«Скорая» прибыла через десять минут.

Фельдшер оказался знакомым Игната, и это тоже взбесило мать. Она автоматически не доверяла и друзьям сына. Женщина потребовала вызвать себе другую «скорую». Эту же, прибывшую на вызов бригаду, она назвала «неправильной». Она злилась и кричала, утверждала, что Игнат специально подпилит стул, чтобы она упала.

С ней возились довольно долго, пытаюсь успокоить, уговорить съездить на рентген в больницу – подозревали перелом руки и, возможно, сотрясение мозга. Не сразу, но уговорили. Фельдшер потом отозвал Игната в сторону и сказал, что хорошо бы проверить мать на возрастные изменения...

Игнат кивнул, хотя знал, что мать вела себя так всегда. Он уже ничему не удивлялся и не возмущался.

В больнице мать, наконец, позволила себя осмотреть. Ни сотрясения, ни перелома у нее не нашли, хотели оставить на некоторое время, понаблюдать, но мать не позволила. Потребовала себя выписать. Игнат все это время находился рядом с ней, терпеливо ждал.

Потом отвез мать домой.

– Ты сегодня не идешь никуда? – строго спросила Лариса Игоревна.

– Нет, мама, я сегодня не дежурю.

– Тогда помоги мне. Мне неудобно без сопровождения, что я, одинокая какая... Через два часа музыкальный вечер у нас в парке, потом танцы. Почетный гость – Вилен Сильнов, я обещала ему быть на вечере.

– Мама, может быть, ты побудешь сегодня дома, отдохнешь? – предложил Игнат.

- Я обещала, - опять сквозь зубы произнесла Лариса Игоревна.

Она не подчинялась Игнату совершенно, она не хотела ничего слушать, никакие уговоры - поберечь себя хотя бы сегодня - не действовали на нее.

Наоборот, возражения Игната действовали на нее словно красная тряпка на быка, только еще больше заводили. Чем спокойней был сын - тем больше сердилась мать. И так было всегда...

- Хорошо, мама. Я отведу тебя на вечер, а потом помогу добраться до дома. А завтра мы решим, что делать дальше.

- А что делать? Ничего не делать. Зачем что-то делать!

Игнат отвел ее на вечер в парк.

Сегодняшнее представление посвящалось композитору Вилену Сильнову, восьмидесяти четырех лет. Известному автору песен, которые были популярны в прошлом, да и сейчас их охотно исполняли в ресторанах.

Вилен напоминал сытого, здорового младенца - такой же лысый, круглощекий и веселый, с задорным пухом на макушке. Только одетый во фрак. Вилен был в восторге от матери и целовал ей руки.

«Да что ж такое, - думал Игнат, сидя неподалеку от веранды, где танцевали пожилые пары, и мать с Виленом в том числе. - Как же мне удрать отсюда? Как уехать из Кострова? И, главное, с матерью ведь невозможно нормально поговорить. Вот просто невозможно, и все тут!»

К Игнату подходили несколько раз - и дамы, подруги матери, и кто-то из местной администрации. Все восхищались Ларисой Игоревной и свысока наказывали Игнату беречь ее. Он вежливо улыбался, кивал и ничего не чувствовал при этом. Ни любви, ни ненависти. Ни раздражения к людям. Об Алисе он тоже старался не вспоминать.

Он думал о своей работе и о том, что бы еще усовершенствовать в его ингаляторе, позволяющем людям обрести полное дыхание.

* * *

Дарья себе места не находила. Она, когда нервничала, испытывала потребность в движении, в разговоре, в каком-то действии...

Вот и в этот раз, поссорившись с Игнатом, Дарья сначала помыла все полы и окна в доме, сварила сложный обед из трех блюд, а затем, поздно вечером, побежала к Игнату, чтобы еще раз попросить у него прощения.

На него это всегда благотворно действовало – когда Дарья являлась мириться первой.

Но в этот раз чего-то не получилось. Дарья позвонила ему, попросила выйти. Не в дом же ей заходить, ведь там Лариса Игоревна. Игнат выйти отказался и заявил, что все бесполезно и мириться он не намерен. Сообщил, что, как только уладит дела с матерью, то уедет из города.

Дарья испугалась и принялась рыдать. Игнат в ответ сказал, что слезы не помогут, ему очень жаль, но он твердо решил уехать, и все тут. Затем связь прервалась, вероятно, он нажал на «отбой».

Дарья рыдала всю ночь, а на следующий день отправилась к Катерине, своей старшей сестре. Она в тяжелые моменты жизни именно к Катерине бежала за утешением, как и в детстве когда-то.

Сестра жила за городом, она работала бухгалтером при огромном агрохолдинге, где выращивали овощи, фрукты и зелень; этими дарами природы питалась вся область, часть уходила в соседние регионы и даже в Москву.

Агрохолдинг – своего рода завод, по сути; с полями, парниками, садами, где трудились наемные работники.

Это была какая-то другая, новая жизнь, непонятная Дарье. Она с детства думала, что все сельскохозяйственные товары поставляются в город из деревни, крестьянами.

Оказывается, не совсем так. Да, еще существовали фермерские хозяйства, напоминающие прежний, старый быт, но помимо них были и такие вот сельскохозяйственные предприятия, «заводы» на земле – агрохолдинги.

Мир изменился. Живя в городе, никто и не задумывался, откуда берутся продукты на полках супермаркетов...

Последние пару лет Дарья и в своей специальности стала сомневаться. Она работала учительницей географии в школе, и чем дальше, тем сильнее распространялось дистанционное обучение.

А что, если скоро и вовсе учителя станут не нужны? Их заменят специальные программы... Дарью подобные перспективы пугали. Она пока еще не понимала, что происходит, становится жизнь лучше или, наоборот – хуже, сложнее...

И в этом, новом, незнакомом мире оказаться вдруг одной, без надежного мужского плеча рядом – страшно.

Катерина уже ждала Дарью, в доме сестры пахло яблоками и корицей.

– Привет, родная. Штрудель испекла... Мои-то в отъезде, через неделю только вернутся. – Катерина говорила о своем муже и сыновьях, давно уже взрослых.

– И хорошо, посекретничаем вдвоем, как раньше... – обняла ее Дарья.

– Что случилось, на тебе лица нет, – забеспокоилась Катерина.

– Кажется, Игнат меня бросил, – пожаловалась Дарья и разревелась.

Потом, уже за столом, начала рассказ о том, что произошло.

– ...Игнат вдруг заявил, что устал. Ему, как он выразился, надоела моя двойственность.

– Двойственность? Это что-то новенькое! – удивилась старшая сестра.

- Он говорит, что я все понимаю, но ничего не делаю. Что я обманула его - с детьми, например. Но я не обманывала! У меня своих трое, помню, как тяжело было с ними, еще маленькими, и тут четвертого рожать? Я хотела подумать, осознать...

- Не надо было ему ничего обещать с самого начала. Отвечала бы - «посмотрим, как получится». Но и он тоже хорош, взял женщину с тремя детьми, какой еще четвертый?

- Вот, Игнат тоже о том - почему я отказалась официально с ним расписываться? Но, если мы распишемся, то как с наследством-то? А мои дети как?

Поначалу Катерина мало что понимала из рассказа сестры. Но потом, постепенно, ее лицо приняло какое-то грустное выражение... словно она, наконец, сделала выводы и эти выводы оказались совсем неутешительными.

Дарья взмолилась:

- Катя, ну скажи, что ты об этом думаешь? Он гад? Он разбаловался? У него другая?

- Тут сложно сказать, - пожала плечами старшая сестра. - У вас с ним с самого начала как-то... и правда не по-настоящему было. Когда вы не пойми кто друг другу - ни муж, ни жена... Ни отец он твоим детям и ни отчим. Брак, конечно, тоже мало что гарантирует, но вот при подобном сожителстве, когда все на тоненькой ниточке висит и ничего определенного годами не происходит... то это тоже плохо. Это другая крайность, понимаешь. Ниточка, в конце концов, порвалась.

- И что делать теперь? - испугалась Дарья.

- Он хороший мужик-то, твой Игнат. Надо было тебе замуж идти, когда он предлагал.

- Но дом...

- Плевать на дом, человек важнее, – сдержанно произнесла Катерина. – Вот что тебе этот дом?! Дети все равно из него разлетятся. Люда вон уехала, скоро и Маша с Колей тоже уедут.

- Понимаешь, я еще за девочек боялась, как, чужой мужчина рядом...

- Ты же Игната хорошо знала. Он не маньяк, не тайный извращенец.

- Но все пишут...

- Вот именно, «пишут»! Да, в соцсетях только об этом и пишут, но ты же с живым человеком жила, ты его видела...

- И передач столько об этом, и в новостях! А у меня девочки...

- Тогда вовсе не надо было с мужчиной связываться, – устало произнесла Катерина. – Ты вот и в этом тоже... действительно двойственная. Нет, нет, не хочу сейчас на тебе топтаться, обвинять только тебя... И Игнат, наверное, тоже в чем-то виноват, не проявил вовремя настойчивость... Хотя какая настойчивость. Тебя же не переупрямить!

- Он тряпка, он не мужик! – вырвалось у Дарьи.

- Ага, теперь тебе его обвинить надо, чтобы полегчало? Он не тряпка совсем. Он тебя слушал и шел навстречу. Принимал твои условия... Но ты его просьб упорно не замечала, игнорировала. Ты Игната не слушала и не слышала.

- Да он мне ничего не говорил! – возмутилась Дарья.

- Все он тебе говорил, только без нажима и шантажа, без этого «бычения», свойственного альфа-самцам. А ты что, хотела, чтобы Игнат по столу стукнул кулаком да рявкнул? Вот только тогда это бы стало считаться настоящим разговором, по-твоему? Но он же, Игнат, не такой... Он говорил с тобой, как нормальный воспитанный человек говорит с другим нормальным воспитанным человеком...

- Ничего он мне не говорил! Все внезапно случилось, раз – и он заявил, что устал и хочет уйти. Ничего не предвещало же!

- Даша, Даша... Ну я же тебя знаю... И Игната тоже неплохо успела изучить, – мягко произнесла Катерина. – Я, вообще, думаю, что он из тех людей, что долго терпят, а потом взрываются, и все, уходят с концами. Люди бывают двух типов в основном. Есть те, кто постоянно выясняет отношения, на каждом шагу, а есть такие, как Игнат...

- Так ты думаешь, что все пропало? – с тоской произнесла Дарья. – Я его потеряла, Игната больше не вернуть?

- Попробуй еще раз объясниться с ним. Согласись со всеми его условиями – разумеется, с теми, которые и тебя устраивают... Себя тоже не надо ломать, в угоду-то... Покажи ему, что ты его слышишь.

Дарья вздохнула. Смахнула слезы с лица, попыталась улыбнуться:

- Ты такая умничка...

- Нет, милая, я очень-очень простая. И по статьям в интернете, по советам блогеров не живу. Стараюсь своей головой думать. Я тебя отчасти понимаю. У тебя девочки... Две девочки и мальчик. Ты хотела их обезопасить и потому держала Игната на расстоянии. Сколько матерей, которые ради «штанов» в доме пожертвовали своими детьми. Но годами (годами!) держать порядочного человека на вторых ролях...

- Он сказал, что его очень обижало, что я его выставляла из дома, когда он заболел, – призналась Дарья. – Но это же нормально и правильно...

- Ох, тут трудно судить, – покачала головой Катерина. – Если при каждой простуде мужика отселять, то... Я не знаю, это как все время давать ему понять – ты никто, твоя жизнь и твое здоровье второстепенны.

- Ага, он с разной заразой работает, я должна детьми рисковать?!

- Так и не связывалась бы с ним вообще!

- Он тоже так сказал! - истерично рассмеялась Дарья.

- Послушай, если бы он чем-то таким серьезным заболел... очень опасным - тогда да, наверное, надо человека отселить на время, пока не выздоровеет. Туберкулезом там, или чем-то подобным... А при каждой простуде из дома гнать - это перебор. Вот если у тебя кто-то из детей заболел, ты его, этого ребенка, от других деток отселяла? А если ты сама заболела, ты - бежала прочь из дома?

- Но это другое!

- Ты Игнату каждым таким изгнанием показывала его ненужность и неважность, его незначимость... То, что он не принадлежит вашей семье. У вас с ним не было семьи, понимаешь?

- Да? И что теперь?

- Теперь борись за него! Соглашайся на брак, роди ему ребенка, не выгоняй при каждой простуде!

- Какой кошмар, - пробормотала Дарья. - Я ничего из этого не хочу делать. Честно.

- Тогда отпусти Игната.

- Как отпустить... Больше у меня никого не будет. Не так много желающих, да и нет других мужчин у нас в Кострове, подобных Игнату. Я с тобой согласна - он классный, он... умный и добрый. Он потрясающий. - Дарья опять принялась плакать. - Я вот только сейчас начинаю понимать, насколько он хороший, представляешь? Я столько лет существовала в каком-то тумане, словно спала... А тут проснулась, очнулась и увидела, что лучше Игната - нет никого. Да даже если он разок принесет простуду в дом, он же ее и вылечит, и он же... он добра в сто раз больше приносит!

- Ты это не мне, ему расскажи!

– И родить я бы ему, наверное, тоже смогла. Да, мне 40 лет, и что. По нынешним временам – все возможно, многие женщины поздно рожают. И где трое, там и четвертый не помеха. – Дарья опять принялась вытирать слезы, затем рассмеялась. – Ах, Катенька, спасибо тебе. Я теперь знаю, что делать.

* * *

Толпы гостей появлялись здесь редко, но после каждого такого крупного сборища, дом подвергался тщательной уборке. Все микробы, вирусы, бактерии, оставшиеся в помещении после людей – должны были быть уничтожены. В уборке участвовали все, кроме Романа. Нина, Петрович, Алиса вооружались швабрами, пылесосами и тряпками. Роман же на время переселялся в отдельную спальню, что располагалась в отдельном флигеле, далеко от главного помещения, в котором обычно принимали родню и друзей.

Недели две примерно Роман не посещал те комнаты, где производилась уборка. Как понимала Алиса, муж ждал, что после тщательной чистки все должно было еще и выветриться, проветриться... А последние, оставшиеся, ускользнувшие от пылесоса бактерии (ничто же не бывает идеальным, даже самая тщательная уборка!) уж точно погибнут к тому времени.

Особо муж не терпел визитов брата, Игната, тот казался Роману настоящим рассадником микробов, которых Игнат приносил из своей поликлиники.

На публике Роман своей брезгливости не показывал, но, когда двери за гостями закрывались, наступало время большой уборки. Роман тогда ретировался на другую часть дома и носу оттуда не показывал.

Алиса уже привыкла к подобному распорядку, она ничуть не удивлялась поведению мужа. Ну вот такой он человек, чего уж теперь. И это нормально, по нынешним-то временам – переживать из-за вирусов в доме...

Сама же она подобными настроениями не страдала, мысли о невидимых и опасных микроорганизмах, оккупировавших все пространство вокруг, ее не посещали.

Вот и в этот раз она, вместе с Ниной и Петровичем, все мыла-чистила в доме. Затем принялась пылесосить в кабинете мужа. Одна, сама. Поскольку сюда уж никто, кроме нее, не допускался.

Алиса пропылесосила ковры на полу и стенах, вытерла все открытые поверхности, вымыла высокое витражное окно... И вдруг вспомнила, что собиралась найти журнал со статьей Романа. Для Игната как раз.

Роман давно, в самом начале их супружества, просил Алису не залезать внутрь его секретера, не заглядывать в ящики, и Алиса этого никогда не делала. Никогда-никогда... И Роман это знал и очень ценил Алису за это.

Пойти к Роману, попросить мужа самому найти в кабинете журнал? Но Роман сейчас работает, пишет очередную книгу... Только лишний раз его беспокоить.

Алиса пожала плечами и принялась выдвигать ящики стола один за другим. Она ничего не трогала в них, не рылась... Просто надеялась на то, что, если журнал лежит где-нибудь сверху, она его возьмет, и все, никаких проблем.

Один ящик, другой, третий...

Стопки бумаг, папки, тетради. Какие-то документы. Алису ничего из этого не интересовало, она эти бумаги даже не разглядывала, в тексты не вчитывалась вообще.

Но в одном из ящиков какое-то слово в заголовке очередного документа вдруг буквально «выстрелило» в Алису, мгновенно вошло в сознание. Сразило наповал.

Завещание.

Стоп. Вот этот документ – завещание? И в нем мелькнуло имя Романа. То есть, это завещание, которое составил Роман?!

Наверное, Роман давно составил завещание. И это правильно. Это разумно! Что такого... Алиса захлопнула ящик, словно ее только что застали за подглядыванием в замочную скважину.

Алиса стояла посреди кабинета, в мерцании разноцветных солнечных лучиков, пробивающихся сквозь витражное стекло. Тишина, запах дерева и отдушки – специального, дорогого моющего средства, залитого в мощный пылесос.

Внутри Алисы все сжалось, дышать стало трудно...

Как так, еще лето на дворе, цветут цветы и светит солнце. Ездят машины, поют птицы по утрам. Люди выпускают товары, собирают урожай, принимают новые законы. Новости не замолкают... Жизнь идет полным ходом, а вот Романа в ней скоро не будет. Все останется прежним. И Алиса останется все той же Алисой... Только уже без Романа рядом.

Она даже заплакать не смогла под тяжестью этого осознания.

Просто стояла, опустив руки, опустив глаза.

О том, что было написано в этом завещании, Алиса не думала. Ну, а что там может таиться... В этом завещании – вся мощь и благородство Романа Эрленда. Его мудрость и любовь. В нем он, конечно, ни о ком не забыл – ни о родных своих, ни о верных поклонниках, ни о преданных слугах. Алису ничуть не ущемляло то, что муж решил побеспокоиться и о других людях и тем самым немного урезал ее в финансах.

Не жалко.

Так и надо покидать этот мир великому мудрецу, Мастеру, с заботой обо всех оставшихся. Все равно значительную часть движимого и недвижимого Роман преподнесет Алисе, своей Прекрасной Даме.

Алиса открыла глаза и опять потянула ящик на себя. Не с тем, чтобы посмотреть, сколько же ей решил оставить Роман, о нет. Она хотела посмотреть, сколько он оставит другим. Алиса хотела еще раз полюбоваться его благородством и любовью к людям.

Она взяла в руки бумаги и принялась их читать. Много терминов и их расшифровок, каких-то юридических отступлений и уточнений, которые ни о чем...

Ничего не понятно, да что ж это такое! Галина-то тут при чем, и ее дети, а остальные где? Или на каждого наследника – своя бумага должна быть?

Алиса еще раз перечитала весь текст завещания, и только тогда до нее смог прийти его смысл.

Все свое движимое и недвижимое имущество Роман хотел завещать детям Галины – Сергею и Артему. До их совершеннолетия средствами могла распоряжаться Галина, их мать, как законный представитель, но расходоваться средства должны лишь на нужды детей...

Алиса перечитала завещание еще раз. И только после этого до нее, наконец, дошло. Это что же, выходит, у Романа есть дети? Артем и Сережа – это его отпрыски, его сыновья? От Галины...

Получается, что 10 лет назад, вернее, почти 11, у Романа случился роман (о, как забавно это звучит, роман Романа!) с Галиной. Потом у нее родились дети... дети от Романа. И вот теперь он решил оставить все свое имущество своим детям. Что ж, логично. И объясняет многое.

Вернее, ничего не объясняет!

Алиса достала из кармана телефон, сфотографировала каждую страничку завещания. Затем положила его обратно в ящик, задвинула его. Подхватила пылесос и направилась прочь из кабинета. Оставила пылесос в прихожей, затем вышла из дома, спустилась по ступеням в сад. Больше всего Алиса боялась сейчас встретить кого-нибудь – Нину или Петровича... Потому что у нее, наверное, в этот момент было очень странное лицо.

Это какая-то ошибка. Такого не может быть. Какого – такого? Да этого всего! У Романа нет детей, Сережа и Артем – не от него. Роман терпеть не может Галину, он эстет, ему нужна Прекрасная Дама, нежная, воздушная и возвышенная, а эта Галина совсем не похожа на данный образ. Чтобы Роман сошелся с подобной женщиной? Невозможно... И какие еще дети? Роман терпеть не может детей!

А что, если муж решил осчастливить наследством мать-одиночку? Ну да, забыл при этом о жене, о родных, о друзьях и поклонниках... Потому что какой-то высший разум приказал ему отдать накопленное – простой женщине с детьми,

совершенно посторонней...

Ах нет, Роман не Галине же все завещал, а именно что Сереже и Артему... Так что дело не в Галине, а в детях. Может быть, Высший Разум подсказал Роману, что эти мальчишки – будущие спасители человечества, и надо о них как-то особо позаботиться?!

Схватившись за голову, Алиса бродила среди деревьев, пыталась понять происходящее.

А что, если это завещание – вовсе не завещание? Не документ то есть, а некий... черновик новой рукописи или что-то в этом роде, нужное для писательства...

«Ага, на специальной бумаге, с печатями, подписями, с заверениями нотариуса!» – тут же сама себе возразила Алиса.

По-хорошему, ей надо было сейчас бежать к Роману. Затем, чтобы спросить мужа, что все это значит. Но тогда придется признаться ему, что она рылась в его столе, читала его бумаги, а так Прекрасные Дамы не поступают. Они не контролируют мужей: не лезут в их телефоны, в их переписку в соцсетях, не отслеживают маршруты благоверных, не спрашивают лишнего – где был, что делал, с кем общался.

И потом. Роман же умирает. Если Алиса сейчас ворвется к нему с этими бесцеремонными вопросами, то, кто знает, вдруг мужу станет плохо...

И главное. Если предположить, только предположить, что дети Галины – от Романа, то что же это получается... Муж изменил Алисе 10, нет, 11 лет назад?!

Тут Алиса вспомнила Игната, их последний разговор во время празднования юбилея мужа, вечером, в этом же саду. Игнат заявил тогда, что она, Алиса, совершенно не знает своего мужа. И что Алиса слишком идеализирует свои семейные отношения. Она спит наяву, далекая от реального положения дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/tronina_tat-yana/taynaya-zhizn-moego-muzha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)